

И-90

ИСТОРИЧЕСКАЯ
 БИБЛІОТЕКА

Крѣпостной театръ.

К. Бестужевъ.

Книгоиздательство „Дѣло“
 МОСКВА

Зарожденіе театра въ Россіи.

I.

Узкія улицы, занесенныя снѣгомъ. По обѣимъ сторонамъ высятся деревянныя, грубо сколоченныя постройки, съ маленькими узкими оконцами, затянутыми слюдой. Около нихъ раскинулись лари со всевозможными товарами, около которыхъ прохаживаются бойкіе торговцы, зазывая съ разными прибаутками снующій взадъ и впередъ народъ. Вдругъ издалека доносятся какіе-то странные звуки, не то гудковъ, не то еще какихъ-то народныхъ инструментовъ. Изъ-за поворота вылетаетъ ватага мальчишекъ, которые, весело приплясывая, кричатъ: «Скоморохи идутъ! скоморохи идутъ!» Слова эти производятъ магическое дѣйствіе. Изъ воротъ, изъ домовъ выбѣгаютъ, прикрываясь фатой женщины, ребятишки; торговцы забыли про свои лари и тоже спѣшатъ присоединиться къ все растущей толпѣ.

Въ концѣ улицы показывается странное шествіе: впереди идутъ, приплясывая и зве-

Отдел 56863
КНИЖНЫХ ФОНДОВ
Историко-этнографического
музея-заповедника

Москва. — 1913.
ТИПОГРАФИЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. 26. Тел. 131-34.

№ 66. Историческая Библиотека. № 66.

КРѢПОСТНОЙ ТЕАТРЪ.

К. Бестужева.

БИБЛИОТЕКА

С. С. Лихачева.

№ _____

МОСКВА.

Книгоиздательство „ДѢЛО“.

1913.

ня бубнами, нѣсколько фигуръ, одѣтыхъ въ вывороченные мѣхомъ вверхъ тулупы, съ лицами, осыпанными мукой. За ними слѣдуютъ нѣсколько музыкантовъ, играющихъ кто на гусяхъ, кто на домрахъ или зурнахъ. Между ними медленно переваливаясь съ ноги на ногу, подвигается огромный медвѣдь. Шествіе замыкается человѣкомъ, одѣтымъ въ широкую, похожую на женскую юбку, съ обручемъ на подолѣ.

Дойдя до середины улицы, скоморохи остановились и толпа окружила ихъ тѣснымъ кольцомъ.

Представленіе началось. Сначала медвѣдь показалъ всѣ свои обычныя штуки, затѣмъ человѣкъ, одѣтый въ юбку, расправилъ ее такъ, что она образовала что-то въ родѣ занавѣса, изъ-за котораго вдругъ появилась одна, за ней другая фигура грубо размалеванной маріонетки, и между ними начался діалогъ, обильно уснащенный самыми грубыми и непристойными шутками, пришедшимися, очевидно, по вкусу зрителямъ, такъ какъ, по мѣрѣ того, какъ дѣйствіе развертывалось, оживленіе все росло. Каждая новая шутка, каждая потасовка персонажей представленія, вызывали нескончаемые взрывы смѣха и возгласы одобренія. Столъ стоялъ въ воздухѣ. Расходившаяся толпа и не замѣтила, какъ на другомъ концѣ улицы

показался небольшой отрядъ вооруженныхъ людей. Незамѣтно приближались они къ толпѣ и, вдругъ сразу врѣзались въ нее. «А, вотъ вы что дѣлаете! Бѣсовскимъ дѣйствомъ забавляетесь! Попадетъ вамъ ужо», — кричали бутари, разгоняя ударами толпу, въ паническомъ страхѣ бѣжавшую въ разсыпную. Скоморохи тоже попробовали было улизнуть, но грозный окрикъ заставилъ ихъ остановиться. «Ну-ка, давайте сюда ваши дудки да сопѣлки. Развѣ не слышали государева указа? Много сегодня вашего брата изловили. Цѣлый возъ вашихъ мерзкихъ дудокъ сожгли, а все еще есть!» И грубыя руки хватали незатѣйливые инструменты и съ злораднымъ смѣхомъ кидали ихъ въ одну кучу, которую взвалили потомъ на первыя попавшіяся сани. Затѣмъ всѣмъ скоморохамъ скрутили руки и шествіе двинулось дальше.

Таково было отношеніе московскаго правительства первой половины XVII вѣка къ народнымъ зрѣлищамъ. Еще въ началѣ своего царствованія, юный царь Алексѣй Михайловичъ, подъ вліяніемъ духовенства, издаетъ указъ, которымъ строго запрещалъ всякаго рода потѣхи и зрѣлища, чтобы не губить своихъ душъ. «Скоморохами не быть», говорилось въ указѣ, «съ гуслими, бубнами, зурнами, домрами, волынками не хо-

дять, медвѣдей не водить, съ собаками не плясать. Всѣ инструменты велѣно было отбирать и сжигать, самихъ же скомороховъ «на первый разъ бить батоги, вдругорядь—кнутомъ и брать пеню по пяти рублей съ человѣка».

Но такое строгое отношеніе къ свѣтскимъ удовольствіямъ продержалось не долго. Царь мало-по-малу сталъ позволять себѣ отступленія отъ стараго порядка, унаследованнаго отъ прошлаго царствованія. Онъ не считаетъ уже грѣхомъ послушать иногда гусляра или поиграть въ шахматы, считавшіеся прежде бѣсовской игрой, послушать и почитать рассказы о томъ, какъ живутъ люди въ заморскихъ краяхъ. Но мысли о театрѣ еще и въ поминѣ нѣтъ. Единственныя представленія, которыя видѣлъ Алексѣй Михайловичъ было представленіе въ Успенскомъ соборѣ «Пещнаго дѣйства», обставленнаго съ большою пышностью, а затѣмъ, представленіе тамъ же «Страшнаго суда». Но оба эти зрѣлища носили скорѣе обрядово-религіозный характеръ и поэтому ихъ нельзя считать представленіями для развлеченія зрителей.

Теперь оставимъ пока старую Москву и перенесемъ въ совсѣмъ другую обстановку.

II.

Стояло чудное лѣтнее утро. На улицахъ флоренціи, прилегающихъ къ площади сениоріи, царило большое оживленіе. Около герцогскаго дворца стояла огромная толпа, жадно всматривавшаяся въ даль. Полуденное солнце жгло немилосердно, но это не пугало флорентійцевъ. Предстоявшее имъ зрѣлище было настолько интересно и рѣдко, что изъ-за него можно было забыть всѣ неудобства. Сегодня долженъ былъ состояться торжественный приѣмъ флорентійскимъ герцогомъ пословъ изъ далекой, таинственной Московіи, о которой добрые флорентійцы имѣли весьма смутное представление.

«Бдутъ, бдутъ!» пронеслось вдругъ по толпѣ. Въ глубинѣ улицы, ведущей на главную площадь, показался блестящій кортежъ. Впереди шествовали герольды и свита герцога, а за ними попарно ѣхали и шли огромнаго роста люди, казавшіеся еще больше отъ высокихъ мѣховыхъ шапокъ. Странное зрѣлище представляли эти люди, одѣтые въ широкія, длинныя шубы пестрыхъ цвѣтовъ. Важно и степенно, не обращая вниманія на шумѣвшую вокругъ нихъ толпу, подвигались они впередъ, и только самые юные съ любо-

пытствомъ оглядывались кругомъ, удивляясь заморскимъ чудесамъ.

Наконецъ, шествіе достигло дворца и вступило въ широко открытыя двери. Толпѣ видно было, какъ сѣверные гости все также медленно поднимались по великолѣпной, украшенной коврами, лѣстницѣ. Затѣмъ двери захлопнулись и зрители стали медленно расходиться, оживленно дѣлясь другъ съ другомъ впечатлѣніями.

Это «Москвиты», столь удивившіе своимъ видомъ флорентійцевъ, составляли посольство, посланное царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ къ флорентійскому герцогу. Во главѣ посольства стоялъ Василій Лихачевъ, человекъ любознательный, умный, внимательно присматривавшійся къ иноземнымъ обычаямъ.

Послы были приняты съ подобающимъ имъ почетомъ, и герцогъ постарался сдѣлать все возможное, чтобы далекіе гости увезли самое пріятное воспоминаніе о Флоренціи. Въ честь ихъ устраивались блестящія празднества, имъ показывали всѣ достопримѣчательности города. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на нихъ, очевидно, герцогскій звѣринецъ, потому что въ докладѣ царю, Лихачевъ перечисляетъ всѣхъ звѣрей, видѣнныхъ ими, и рассказываетъ о поразившемъ его яйцѣ птицы

строфокамила, такой огромной величины, что когда герцогъ приказалъ сдѣлать изъ него яичницу, то ее хватило будто бы на 27 человекъ.

Но самое интересное ждало ихъ еще впереди.

Однажды, послѣ великолѣпнаго обѣда въ герцогскомъ дворцѣ, посольство попросили перейти въ сосѣдную залу. Тамъ въ глубинѣ виднѣлась эстрада, задернутая краснымъ съ золотомъ завѣсомъ. Остальное пространство было занято рядами сидѣній, на которыхъ и стало размѣщаться многочисленное общество. Герцогъ сѣлъ въ первомъ ряду, усадивъ около себя Лихачева, и черезъ переводчика объяснилъ ему, что сейчасъ въ честь именитыхъ гостей придворною труппою будетъ разыграна комедія. Но это послѣднее слово ничего не объяснило Лихачеву, и переводчикъ пустился въ пространное объясненіе, прерванное, впрочемъ, очень скоро оркестромъ, заигравшимъ веселую увертюру. Занавѣсъ медленно раздвинулся, и глазамъ изумленныхъ русскихъ представило волшебное зрѣлище.

Вотъ какъ описывалъ впоследствии Лихачевъ царю то, что ему удалось видѣть въ тотъ памятный вечеръ: «Князь (т.-е. герцогъ флорентійскій) приказалъ играть. Объявились палаты, и бѣвъ палата, и внизъ

уйдетъ и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилось море, колеблемо волнами, а въ верху палаты небо, а на облачкахъ сидятъ люди; и почали облака и съ людьми на низъ опущаться, подхва-
 тятъ человѣка съ земли подъ руки, опять вверхъ же пошли, а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялись вверхъ за тѣми на небо. Да спущался съ неба же на облакъ сѣдъ человѣкъ въ каретѣ, да противъ его въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки подъ каретами какъ быть живы, ногами порягиваютъ; а князь сказалъ, что одно солнце, другое мѣсяць. А въ иной перемѣнѣ въ палатѣ объявилось поле, полно костей человѣческихъ, а враны прилетѣли и начали клевать кости, да море же объявилось въ палатѣ, а на морѣ корабли небольшіе и люди въ нихъ плаваютъ. А въ иной перемѣнѣ объявилось человѣкъ 50 въ латахъ и начали саблями и шпагами рубиться и изъ пищялей стрѣляться и человѣка съ три какъ будто и убили. И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ-за занавѣса въ золотѣ и танцуютъ и многія диковинки дѣлаютъ; да вышелъ малый и началъ прошать ѣсть, и много ему хлѣбовъ пшеничныхъ давали и накормить не могли».

Представленіе кончилось, а русскіе все сидѣли неподвижно, не спуская глазъ съ

невиданнаго зрѣлища. По ихъ лицамъ было видно, что оно захватило ихъ цѣлкомъ. Да и какъ было не увлечься имъ чудной музыкой, голосами, изящными танцами, имъ, знавшимъ у себя на родинѣ лишь грубыя потѣхи скомороховъ. Передъ ними открылся новый блестящій міръ, о существованіи котораго они до сихъ поръ не подозревали.

Съ этого времени Лихачевъ сдѣлался ревностнымъ почитателемъ театра и не пропускалъ ни одного представленія ни въ герцогскомъ дворцѣ, ни у флорентійской знати.

«Вотъ если бы у насъ, въ Москвѣ завести такую комедію», — мечталъ онъ про себя, боясь однако высказать эту завѣтную мысль вслухъ, такъ какъ не зналъ, какъ отнесутся къ ней остальные товарищи. «Да, впрочемъ, чего и мечтать, вѣдь все равно у насъ некому будетъ играть», печально пронеслось у него въ головѣ.

По пріѣздѣ въ Москву, Лихачевъ поспѣшилъ сдѣлать царю вышеприведенный докладъ обо всемъ видѣнномъ. На царя и окружавшихъ его лицъ безхитростный рассказъ Лихачева произвелъ огромное впечатлѣніе и, какъ и у того, въ умахъ слушателей возникаетъ робкое желаніе: а хорошо бы посмотрѣть такую комедію у насъ въ Москвѣ.

Послѣ Лихачева еще нѣсколько москвичей побывали на Западѣ, и всѣ они привозили оттуда восторженные рассказы о видѣнныхъ театральныхъ представленіяхъ.

Оживившіяся сношенія съ иноземными государствами, повели за собой частые пріѣзды иностранныхъ посольствъ, привозившихъ съ собой музыкантовъ, фокусниковъ, иногда даже маленькій балетъ. Въ Нѣмецкой слободѣ устраивались этими труппами представленія, на которыхъ присутствовали въ качествѣ приглашенныхъ гостей московскіе бояре. При дворѣ Алексѣя Михайловича, очень любившаго музыку, заводится небольшой оркестръ изъ обученныхъ у нѣмцевъ музыкантовъ, игравшихъ на віолахъ (скрипкахъ) и другихъ простыхъ инструментахъ. Одинъ изъ историковъ театра утверждаетъ даже, что во дворцѣ происходятъ въ это время первыя попытки постановки театральныхъ пьесъ.

Въ 1671 году произошло бракосочетаніе царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной, и вотъ по этому случаю, въ царскихъ покояхъ состоялось будто бы представленіе комедіи «Баба Яга», сюжетъ которой былъ позаимствованъ изъ народныхъ сказокъ. Разыграна была пьеса придворными боярами и боярышнями.

Одно это совмѣстное публичное высту-

пленіе женщинъ и мужчинъ указываетъ на то, что старые обычаи, осуждавшіе женщину на затворничество, отходили въ вѣчность.

Большое вліяніе на это явленіе оказало то, что вблизи царя сталъ новый человекъ, который хорошо понималъ ту пользу, которую принесло бы Руси болѣе близкое знакомство съ западными обычаями и жизнью. Человекъ этотъ былъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, въ домѣ котораго царь встрѣтилъ вторую жену свою, Наталью Кирилловну, приемную дочь Матвѣева.

Артамонъ Сергѣевичъ былъ для своего времени человекъ очень образованный. Женатъ онъ былъ не на русской, а на шотландкѣ Гамильтонъ, благодаря которой въ его домѣ жизнь была поставлена на болѣе европейскій ладъ. Самъ онъ много читалъ и глубоко интересовался всѣмъ, что происходило на Западѣ. Онъ, конечно, не могъ не почувствовать новой затѣѣ и съ увлеченіемъ взялся за дальнѣйшее ея развитіе. Первые шаги были очень трудны. Самымъ главнымъ препятствіемъ было то, что въ Москвѣ совершенно не было актеровъ. Откуда же ихъ взять? Вопросъ разрѣшился очень легко: конечно изъ Западной Европы. И вотъ, по настоянію Матвѣева, за границу снаряжается особый посоль, Николай фонъ-Стаденъ, которому поручается объѣхать со-

сѣднія государства и пригласить на службу къ Московскому государю различныхъ пушечныхъ, литейныхъ и другихъ мастеровъ, а также набрать для царскаго проектируемаго театра труппу нѣмецкихъ актеровъ. «Трубачей самыхъ добрыхъ, ученыхъ, да которые бы умѣли всякія комедіи строить», какъ говорилось въ указѣ, выданномъ Стадену 15-го мая 1672 г. Этотъ послѣдній добросовѣстно выполнилъ возложенное на него порученіе, и, объѣздивъ Курляндію, Германію и Швецію, набралъ прекрасную по тому времени труппу. Онъ уже заранѣе ликовалъ, представляя себѣ, какъ будутъ довольны имъ въ Москвѣ. Но радость его оказалась преждевременна: актеры, наслышавшись разныхъ рассказовъ о Московіи, гдѣ, какъ имъ говорили, иностранцы отнюдь не гарантированы отъ кнута и ссылки въ Сибирь, предпочли нарушить контрактъ со Стаденомъ и разбѣжались въ разныя стороны. У бѣднаго Стадена осталось только три музыканта, которыхъ онъ и повезъ въ Москву.

III.

А въ Москвѣ за его отсутствіе произошли большія перемѣны. Вскорѣ послѣ отъѣзда Стадена, къ Матвѣеву явился однажды нѣмецкій пасторъ Грегори, уже много лѣтъ со-

стоявшій главнымъ пасторомъ Нѣмецкой слободы. На вопросъ Матвѣева, онъ объяснилъ ему, что, прослышавъ о желаніи царя имѣть постоянный театръ, онъ явился предложить свои услуги въ данномъ дѣлѣ. Изъ дѣтей ремесленниковъ и другихъ обитателей Нѣмецкой слободы онъ брался составить труппу, съ которой онъ и начнетъ разучивать пьесы, пригодныя для постановки въ царскомъ театрѣ.

Лицо Матвѣева, по мѣрѣ того, какъ Грегори подробно развивалъ свой планъ, все болѣе и болѣе озарялось радостной улыбкой.

«Да, это именно то, что намъ и нужно!» воскликнулъ онъ. «Сегодня же доложу государю о вашемъ планѣ и заранѣе могу поручиться, что государь разрѣшитъ вамъ все».

Такъ оно и случилось. Алексѣй Михайловичъ тотчасъ же приказалъ Грегори, не медля ни минуты, приниматься за собираніе труппы. Устройство же театра и вообще все театральное дѣло было поручено Матвѣеву, который и сталъ, такимъ образомъ, первымъ директоромъ русскаго придворнаго театра.

Театръ или «комедійная хоромина», какъ ее тогда называли, былъ построенъ въ селѣ Преображенскомъ, любимомъ мѣстопробываніи царя.

Пока Матвѣевъ, не жалѣя времени и казенныхъ денегъ, хлопоталъ по устройству театра, пасторъ Грегори тоже не терялъ даромъ времени. Ему удалось собрать труппу въ 64 человѣка, съ которыми онъ и принялся разучивать предназначенную имъ для перваго представленія трагедію «Эсфирь». Много было потрачено имъ труда, чтобы заставить переродиться въ актеровъ совершенно непривычныхъ къ этому дѣлу людей. Но терпѣніе и трудъ преодолѣли всѣ препятствія, и Грегори объявилъ Матвѣеву, что его труппа окончательно готова къ первому представленію, которое и было назначено въ ближайшее воскресенье.

Уже съ самаго ранняго утра село Преображенское приняло необычайный видъ: всюду виднѣлись толпы любопытныхъ, сбѣжавшихся изъ окрестныхъ деревень, чтобы взглянуть на царскій поѣздъ, который долженъ былъ прослѣдовать изъ дворца въ театръ. Наконецъ, онъ показался, обставленный съ тою чрезвычайной пышностью, которой вообще всегда сопровождалась выѣзды Алексѣя Михайловича.

Начало представленія было назначено очень рано по нашимъ теперешнимъ понятіямъ; но надо принять во вниманіе, что тогда и весь укладъ жизни былъ совершенно иной. Никого не удивило поэтому, что пред-

ставленіе началось въ 10 ч. утра, тотчасъ же послѣ царскаго обѣда.

Войдя въ театръ, царь занялъ предназна-
ченное для него мѣсто. По обѣ стороны
кресла стали двое рындъ въ бѣлыхъ атлас-
ныхъ кафтанахъ, съ серебряными топорами
на плечахъ. Неподалеку отъ царя помѣ-
стился бояринъ Матвѣевъ, а сзади усѣлись
тѣ немногочисленные бояре, которымъ было
разрѣшено присутствовать на представленіи.

Успѣхъ пьесы превзошелъ всѣ ожиданія;
хотя играли по нѣмецки, на непонятномъ
для русскихъ языкѣ, но государь съ начала
до конца слѣдилъ черезъ переводчика съ
интересомъ за ходомъ пьесы, а по окончаніи
ея выразилъ свое удовольствіе, и допустилъ,
въ знакъ милости, всѣхъ актеровъ съ па-
сторомъ Грегори во главѣ, до своей руки.
На слѣдующемъ спектаклѣ присутствовала
уже вся царская семья и всѣ бояре.

IV.

Съ этого дня театральное дѣло въ Москвѣ
все развивается. Грегори разучиваетъ и
ставитъ со своей труппой все новыя и но-
выя пьесы, большею частью трагедіи изъ
библейской исторіи. Для расширенія дѣла,
царь разрѣшилъ ему открыть у себя въ
Нѣмецкой слободѣ нѣчто въ родѣ школы,
Крѣпостной театръ.

куда набирались дѣти для приготовленія къ театральной дѣятельности. Кромѣ дѣтей нѣмецкихъ ремесленниковъ, Грегори набралъ туда и русскихъ дѣтей.

Но кромѣ этой, такъ сказать, казенной школы и театра, въ Москвѣ стали появляться и частные домашніе театры. Наиболѣе искусные изъ дворовыхъ нѣкоторыхъ бояръ допускались иногда на представленія придворнаго театра въ качествѣ музыкантовъ, а иногда, случайно, и зрителями. Возвращаясь домой, они, конечно, рассказывали своимъ товарищамъ о видѣнномъ, и вотъ, среди дворни возникаетъ желаніе попробовать тоже сыграть комедію, какъ нѣмцы. Такимъ образомъ возникаютъ первые домашніе театры, въ которыхъ дворовые для своей потѣхи разыгрывали самымъ примитивнымъ образомъ небольшія сценки, сюжеты для которыхъ брались большею частію изъ народныхъ сказокъ и побасенокъ. На представленія приглашались и господа, которые очень благосклонно относились къ подобнымъ затѣямъ.

Матвѣевъ, дворовые котораго тоже завели представленіе, взглянулъ на это серьезно, и, въ теченіи короткаго времени создалъ изъ случайной забавы постоянное развлеченіе, поставленное на широкую ногу. Онъ первый изъ бояръ воспользовался дра-

матическими способностями своихъ крѣпостныхъ и отдалъ наиболѣе способныхъ изъ мальчиковъ въ ученье къ нѣмецкимъ актерамъ. Мало того: онъ рискнулъ итти совершенно наперекоръ старымъ традиціямъ и, вслѣдъ за мальчиками отправилъ въ ученье и дѣвочекъ, такъ что очень скоро у него образовалась собственная драматическая труппа, по игрѣ нисколько не уступавшая нѣмцамъ.

Его примѣръ заразилъ и другихъ бояръ. Милославскій, Шереметьевъ, Долгорукій, соперничаютъ другъ передъ другомъ своими домашними театрами. Спектакли становятся публичными, доступными для большого числа зрителей. Каждая изъ труппъ упомянутыхъ бояръ старается специализироваться на одномъ какомъ-нибудь родѣ драматическаго искусства. У А. С. Матвѣева преобладали мистеріи: «Страсти Іисуса», «Воскресеніе Христово», «Великомученикъ Дмитрій», «Пришествіе Антихриста» и др. Сохранилась одна изъ афишъ того времени, которая гласитъ, что: «Въ воскресенье 27 декабря 1674 г., на домашнемъ театрѣ боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, собственными его актерами представлено будетъ: «Рождество Христово». Большая мистерія, сочиненіе Симеона Полоцкаго».

Въ другой афишѣ мы читаемъ, что у кня-

зя Юрія Александровича Долгорукаго, собственными его комедіантами будетъ представлень «Горе - Богатырь», комедія - сказка съ пѣснями и разными плясками. У княгини Анны Ивановны Хованской представлень 29-го іюня «Знаменитый праздникъ глупцовъ и дураковъ», драма шуточная, на музыкѣ». У Шереметьева идетъ «Кикиморь или ночное пугалище, баснословная комедія», и т. д.

Однимъ словомъ, увлеченіе театромъ царить повсюду. Представленія на придворномъ театрѣ идутъ между тѣмъ, своимъ чередомъ. Изъ села Преображенскаго онъ переведенъ уже въ Москву, и труппа Грегори, а затѣмъ и заѣзжихъ нѣмецкихъ актеровъ, разыгрываютъ разныя мистеріи, въ родѣ «Адамъ и Ева», «Великомученикъ Дмитрій», или аллегорическіе балеты, въ которыхъ прославлялось царствованіе Алексѣя Михайловича.

V.

Со смертію царя Алексѣя Михайловича театральное дѣло остановилось въ своемъ развитіи. Главный вдохновитель его А. С. Матвѣевъ пошелъ въ ссылку, а наступившія вслѣдъ затѣмъ событія совершенно отбѣснили театр на задній планъ. Впрочемъ юный царь Θεодоръ хотя и издалъ указъ «очи-

ститъ палаты, которыя были заняты на комедію», самъ не чуждался иноземныхъ нововведеній. Сближеніе съ Западомъ сдѣлало уже слишкомъ большіе успѣхи. Θεодоръ и его сестры, въ особенности царевна Софья, получили широкое по тому времени образованіе. Въ кремлевскомъ дворцѣ, въ интимномъ придворномъ кругу продолжаютъ даваться театральныя представленія, которыя очень охотно посѣщались царемъ. Сохранилось преданіе, что сама царевна Софья очень увлекалась театромъ и даже написала трагедію «Стрѣльцы». Но затѣмъ политика отвлекла ее отъ литературныхъ занятій.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Θεодоръ умеръ, Софья была свергнута, и на московскомъ престолѣ воцарился Петръ. Во время своихъ частыхъ путешествій за границу, онъ имѣлъ случай познакомиться съ лучшими театрами того времени, и до того увлекся въ Парижѣ геніальной игрой знаменитаго тогда трагика Барона, что подарилъ ему драгоценную шпагу. Своимъ геніальнымъ умомъ онъ понялъ великое значеніе театра для широкой массы народа и, по выраженію одного изъ историковъ, перенесъ театръ «изъ дворца на площадь».

Въ самомъ началѣ XVIII столѣтія имъ издается приказъ набрать нѣмецкую труппу и начать постройку театра на Красной

площади. Сосѣдство бѣсовской храмины съ Кремлевскими святынями смутило многихъ; начали раздаваться протесты, но Петръ сумѣлъ заставить ихъ замолчать, и театръ въ скоромъ времени открылся. Въ цѣляхъ привлеченія наибольшаго числа публики, для обывателей сдѣлали разныя льготы: приказано было во дни представленийъ запираеть городскія ворота часомъ позже обыкновеннаго времени, цѣны назначать низкія и т. д. Интересъ москвичей къ новому зрѣлищу превзошелъ всѣ ожиданія; касса осаждалась желающими получить билеты; уже съ ранняго утра у входа стояла огромная толпа, съ нетерпѣніемъ ожидавшая начала.

Директоромъ подвизавшейся въ новомъ театрѣ труппы былъ нѣкто Яганъ Кунштъ, нѣмецъ, какъ, впрочемъ, и вся остальная труппа. Имъ въ ученье Петръ распорядился дать нѣсколько челоуѣкъ и русскихъ, чтобы со временемъ образовать свою русскую труппу.

Представленія труппы Куншта кончились довольно неожиданно. 1-го апрѣля 1704 г. была вывѣшена афиша, что въ этотъ день будетъ сыграна новая, еще нигдѣ не шедшая пьеса, подъ названіемъ «Обманутая публика». Любопытство москвичей было задѣто за живое, билеты моментально всѣ были раскуплены, а къ началу представленія при-

былъ самъ царь Петръ и занялъ предназна-
ченное для него мѣсто въ первомъ ря-
ду. Наконецъ, занавѣсъ раздвинулся. Гла-
замъ зрителей предстала ярко освѣщенная,
но совершенно пустая, сцена. На задней
бѣлой стѣнѣ выдѣлялась, написанная круп-
ными литерами, надпись: «Сегодня первое
апрѣля». Черезъ нѣсколько минутъ, когда
зрители достаточно налюбовались на эту над-
пись, занавѣсъ опять задвинулся. Публи-
ка недоумѣвающе переглянулась, и опять
терпѣливо принялась ждать начала. Но про-
шло болѣе часа, а занавѣсъ все не раз-
двигался. Терпѣніе Петра, наконецъ, исто-
щилось.

— Сходи-ка къ Куншту, да узнай, ско-
ро ли они начнутъ?—обратился онъ къ од-
ному изъ приближенныхъ.

Тотъ поспѣшилъ исполнить приказаніе ца-
ря и исчезъ за кулисы. Но не прошло и
пяти минутъ, какъ онъ появился вновь. Ли-
цо его выражало явное смущеніе.

— Ну, что? Начинаютъ?—обратился къ
нему Петръ.

— Ваше Величество!—пролепеталъ блѣд-
ный отъ страха посланный.—Актеры всѣ
разъѣхались по домамъ.

— Какъ по домамъ? Что ты такое ме-
лешь?—прикрикнулъ на него Петръ.

— Да это они шутку надъ нами сыграли;

вѣдь сегодня первое апрѣля, вотъ они и вздумали посмѣяться надъ нами, — объяснилъ посланный. — И представленія никакого сегодня не будетъ.

Петръ нахмурился. Окружающіе съ трепетомъ ждали бури. Но царь огромнымъ усиліемъ воли поборолъ приступъ гнѣва.

— Вотъ, какъ ловко подшутили комедіанты надъ нами, — проговорилъ онъ, поднимаясь и направляясь къ выходу.

Такая дерзкая шутка, конечно, не способствовала упроченію положенія Куншта. Онъ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко, позволилъ себѣ подшутить надъ самымъ царемъ. Финансовыя дѣла его тоже сильно пошатнулись въ это время. Кредиторы осаждали его, труппа сидѣла безъ жалованья, и вотъ, въ одинъ прекрасный день москвичи узнали, что Кунштъ исчезъ неизвѣстно куда.

Театръ былъ запечатанъ. На дверяхъ его красовалось большое объявленіе, гласившее, что, ввиду исчезновенія директора труппы, все театральное имущество назначается въ продажу съ торговъ для уплаты долговъ. Предметы, предназначенные для аукціона, были самые разнообразныя.

1. Дворецъ съ великолѣпными садами, крѣпостями, лѣсами, рощами, лугами, наполненными людьми, звѣрьми, птицами, му-

хами и комарами, по правую и лѣвую сторону дворца и позади онаго видны, какъ на блюдечкѣ, увеселительные дома съ прекраснѣйшими видами.

2. Полторы дюжины облаковъ, выкрашенныхъ по краямъ черною краскою.

3. Радуга, немного полинявшая.

4. Три бутылки молніи.

5. Заходящее солнце и молодой мѣсяцъ, немного уже обветшалые, цѣна весьма малая.

6. Полный нарядъ для мертвеца, состоящій изъ окровавленной рубашки, разорванной фуфайки и савана съ тремя кружками на груди, выстеганными краснымъ шелкомъ.

7. Скъянка съ нанскою водкой, годной для представленія мертвецовъ и производящей прекрасное синее пламя.

8. Двѣ дюжины солдатъ, сплетенныхъ изъ прутьевъ, съ оружіемъ и со всею амунициею.

9. Костеръ, горящій со всѣхъ сторонъ, который служить уже болѣе 10 лѣтъ.

10. 5 аршинъ жестяныхъ цѣпей, которыхъ звукъ удивительно пріятенъ, ибо исторгаетъ источники слезъ изъ глазъ чувствительныхъ и т. д.

Петръ, слишкомъ занятый своими внѣшними и внутренними дѣлами, не могъ удѣлять достаточно вниманія театральному дѣлу

въ Россіи, и юное начинаніе, пожалуй, заглохло бы, если бы не нашло покровительницы въ лицѣ младшей, любимой сестры Петра, царевны Натальи Алексѣевны. Она была страшная любительница театра и, послѣдовавъ за братомъ въ Петербургъ, предложила ему тамъ свои услуги по устройству театра. Петръ очень обрадовался предложенію сестры и обѣщаль ей всяческое содѣйствіе.

Но откуда взять актеровъ? Въ только что основанномъ Петербургѣ ихъ не было; выписывать изъ Москвы, гдѣ въ то время подвизалась уже другая нѣмецкая труппа, было крайне неудобно.

Съ большимъ трудомъ удалось царевнѣ составить на первыхъ порахъ небольшую труппу, состоящую изъ 10 актеровъ и 16 русскихъ музыкантовъ. Найдено было и помѣщеніе. Это былъ просто большой сарай, стоявшій на Васильевскомъ островѣ. Для того, чтобы превратить его въ театръ, понадобилось сломать внутреннія стѣны, углубить полъ для партера и устроить рядъ ложъ.

Первое представленіе состоялось 1-го мая 1716 г. Большинство публики никогда не видало театра и, поэтому, открытіе его привлекло массу народу. Но не всѣ желающіе могли попасть туда: въ театръ пропускали

только «пристойно одѣтыхъ» людей, причемъ, при входѣ каждому подносили рюмку вина и крендель. «Обыкновеніе сіе долго продолжалось», прибавляетъ составитель хроники русскаго театра Носовъ.

Въ короткія царствованія Екатерины I и Петра II театральное дѣло совсѣмъ заглохло. Петръ предпочиталъ ему охоту и балы. Возродилось оно вновь при Аннѣ Іоанновнѣ.

Въ 1730 г. польскій король Августъ II прислалъ къ коронованію императрицы итальянскую труппу, подъ управленіемъ знаменитаго композитора того времени Франческо Арайя. Онъ первый поставилъ въ Россіи оперу, и этотъ новый родъ искусства былъ встрѣченъ обществомъ весьма благоклонно. вмѣстѣ съ оперой проникаетъ и балетъ, составлявшій тогда необходимую, почти что главную часть каждой оперы. Но первый балетмейстеръ Фоссано не поладилъ съ всесильнымъ тогда Бирономъ, который больше покровительствовалъ нѣмецкой труппѣ, и принужденъ былъ покинуть Петербургъ.

Черезъ нѣкоторое время явился въ Россію другой балетмейстеръ Ланде, тоже заграничная знаменитость, и онъ-то и является основателемъ русскаго балета. Сначала имъ была основана небольшая балетная школа, занятіями въ которой руководилъ онъ самъ.

Анна Іоанновна заинтересовалась этимъ начинаніемъ и выбравъ по 12 самыхъ красивыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ изъ дѣтей придворной прислуги, отдала ихъ въ эту школу. Ученики оказались очень талантливы и вскорѣ на афишахъ, вмѣстѣ съ именами итальянскихъ балеринъ, стали впервые появляться русскіе имена: Аксинья Сергѣева, Елизавета Зорина, Тимофей Бубликовъ, больше, впрочемъ, извѣстные подъ уменьшительными именами: Аксюшки, Лизки, Тимошки. Въ особенности прославился этотъ послѣдній и имя перваго придворнаго танцора Тимошки Бубликова долго гремѣло въ столицѣ.

Но наибольшаго своего расцвѣта достигъ театръ при преемницѣ Анны Іоанновны, императрицѣ Елизаветѣ. Въ обѣихъ столицахъ воздвигаются огромныя театральныя зданія, постановки пьесъ обставляются такой роскошью, что возбуждаютъ удивленіе даже иностранцевъ. Нѣмецкое вліяніе, царившее такъ долго, кончилось. Отнынѣ царятъ французы. Языкъ, мода, литература, все привозится изъ Франціи, а въ театральной области всецѣло царитъ Италія. Культурныя потребности высшаго общества повышаются, его уже не удовлетворяютъ грубые, нѣмецкіе фарсы: итальянская опера, итальянскій балетъ не сходятъ со сцены.

Вслѣдъ за императрицей начинается увлекаться театромъ и вся знать. И вотъ въ роскошныхъ «подмосковныхъ», и иныхъ помѣстьяхъ русскихъ аристократовъ возникаютъ свои домашніе театры съ доморощенными Дидонами, Заирами, Энеями изъ крѣпостныхъ. Начинается та тяжелая эпопея, когда помѣщикъ:

«Согнавъ на многихъ фурахъ

Отъ матерей, отцовъ отторгнутыхъ дѣтей», устраивалъ волшебныя зрѣлища на потѣху своихъ гостей. Крѣпостной театръ — одна изъ самыхъ мрачныхъ страницъ стараго времени и представляетъ обратную сторону той блестящей жизни, заимствовавшей внѣшній лоскъ западной культуры, а въ глубинѣ таившей самую первобытную грубость и совершенное презрѣніе къ человѣческой личности въ лицѣ крѣпостного раба. Своя опера, свой балетъ стали такой же необходимой принадлежностью помѣщичьяго быта, какъ охота и дворня. Не было, кажется, ни одного, мало-мальски зажиточнаго помѣщика, у котораго не было бы своихъ «актеровъ и актерокъ».

Но такое изобиліе домашнихъ театровъ еще не означало, что они, дѣйствительно, стояли на высотѣ художественнаго исполненія. Общество этого не требовало: ему нужно было только занимательное, краси-

вое зрѣлище, а до его содержанія или до игры актеровъ имъ было мало дѣла. Невыносимо тяжелыя условія, въ которыя были поставлены крѣпостной актеръ, не очень способствовали выработкѣ талантовъ. Бóльшая часть ихъ погибла подъ давленіемъ барскаго произвола. Тѣ немногіе, которымъ удалось вырваться изъ этой среды на волю и развить свой талантъ, обязаны, бóльшею частью, тому или иному счастливому случаю; а сколько замѣчательныхъ дарованій сгинуло безслѣдно, устилая своими тѣлами путь свободному театру.

Крѣпостной театръ.

I.

Солнце клонилось уже къ западу. По большой, обсаженной березами, пыльной дорогѣ катилась дорожная коляска, одна изъ тѣхъ, въ которыхъ наши прадѣды совершали, въ началѣ прошлаго столѣтія, свои безконечныя путешествія изъ одного конца Россіи въ другой.

— Да скоро ли, наконецъ, пріѣдемъ мы къ князю?—обратился одинъ изъ путешественниковъ къ своему спутнику.

— Теперь уже недалеко, — отвѣтилъ

тотъ, —сейчасъ будетъ поворотъ, а оттуда вся усадьба, какъ на ладони.

И дѣйствительно, не прошло и десяти минутъ, какъ глазамъ восхищенныхъ путешественниковъ предстала очаровательная картина. Прямо передъ ними, на небольшомъ холмѣ, бѣлѣлась, утопая въ зелени, роскошная барская усадьба, выстроенная въ томъ, распространенномъ въ тѣ времена, стилѣ, который ввелъ у насъ въ Россіи Растрелли. Передній фронтонъ украшали нѣсколько массивныхъ колоннъ, отъ которыхъ вела внизъ широкая каменная лѣстница, уставленная тропическими растеніями въ кадкахъ. Прямо передъ домомъ разстилался огромный прудъ, въ которомъ красиво отражалась вся усадьба. За нею виднѣлся вѣковой паркъ, въ густой зелени котораго мелькали бѣлыя бесѣдки, «эрмитажи», бельведеры, статуи.

— Но это восхитительно, —твердилъ нашъ путешественникъ, не отнимая отъ глазъ золотого лорнета.

— Погодите, что вы скажете, какъ увидите внутренность усадьбы и все остальное, — проговорилъ, улыбаясь, его спутникъ.

— А что такое! Расскажите! — вострепнулся первый, но не дождался отвѣта, такъ какъ коляска въ это время подѣхала къ крыльцу. Моментально появившіеся лакеи

бросились высаживать гостей изъ коляски, другіе побѣжали докладывать хозяину, и черезъ минуту онъ появился на крыльцѣ.

— Князь Шаликовъ, — рекомендовался первый изъ прибывшихъ.

— Весьма польщенъ вашимъ посѣщеніемъ, — проговорилъ хозяинъ, вводя гостя въ домъ. — Много слышалъ о вашихъ сочиненіяхъ. И какъ удачно вы пріѣхали. Сегодня какъ разъ я даю маленькій праздникъ, такъ сказать, невинное развлеченіе на лонѣ природы. Надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ удовольствіи раздѣлить его.

— Что вы! Сочту за особенное наслажденіе, — началъ въ свою очередь изливаться гость. — Мнѣ такъ много рассказывали о вашей усадьбѣ, что я просто сгораю отъ нетерпѣнія познакомиться съ ея чудесами.

— Въ такомъ случаѣ пожалуйста пока въ столовую. Мы садимся какъ разъ за обѣдъ, — проговорилъ хозяинъ, вводя гостей въ роскошно убранный залъ, гдѣ за большимъ овальнымъ столомъ сидѣло уже многочисленное, но исключительно мужское общество. На хорахъ помѣщался большой оркестръ, почти все время игравшій въ продолженіе обѣда.

— А теперь, дорогіе гости, — провозгласилъ хозяинъ по окончаніи обѣда, — прошу васъ пожаловать въ театръ.

Двери въ сосѣднее помѣщеніе растворились и передъ гостями предсталъ весь залитый огнями театральнѣй роскошно отдѣланный залъ. Гости съ шумомъ размѣстились на бархатныхъ креслахъ. Представленіе началось. Вотъ какъ описывалъ его впоследствии князь Шаликовъ въ своей книгѣ «Путешествіе по Малороссіи».

«По пріѣздѣ нашемъ ввечеру, насъ тотчасъ повели въ театръ. Загремѣла музыка, поднялась занавѣсъ, явились актеры. Была опера. Главная пѣвица восхищала сердца наши сладкимъ, пріятнымъ, одушевленнымъ голосомъ; буфонъ истинно комическимъ талантомъ своимъ плѣнилъ насъ. Опера кончилась. Снова поднялась занавѣсъ и блестящій балетъ поразилъ взоры наши. Помѣщикъ «Буды» благотворитель; всѣ сіи плѣняющія насъ существа, о которыхъ печется онъ какъ отецъ о дѣтяхъ, извлечены имъ изъ ничтожества, т.-е. изъ крестьянскаго сословія. Судите же, какое разстояніе между теперешнею участію ихъ и тою, которая ихъ ожидала! Превращеніе ихъ покажется непонятнымъ для насъ».

Чувствительный князь не замѣчалъ, любясь «юными нимфами терпсихориными», съ какимъ страхомъ устремлены были ихъ глаза на сидящаго въ первомъ ряду ихъ барина, въ то время, какъ губы привѣтливо улы-

бались, а ноги выдѣлывали замысловатые па. Онъ не слышалъ, какъ на только что упорхнувшую за кулисы балерину накинулся съ грубой бранью главный балетмейстеръ за то, что она допустила небольшую ошибку въ своемъ танцѣ.

Представленіе кончилось и гости поспѣшили изъ душевой залы въ паркъ, гдѣ ихъ ожидали опять новые сюрпризы. Всѣ аллеи и дорожки были иллюминированы китайскими фонариками, за деревьями скрывались музыканты, наигрывавшіе нѣжныя мелодіи. Едва только гости вступили въ густыя аллеи, какъ имъ навстрѣчу появилась цѣлая толпа прелестныхъ нимфъ, одѣтыхъ въ легкія разноцвѣтныя туники, съ вѣнками на распущенныхъ волосахъ.

Шаликовъ не успѣлъ опомниться, какъ его увлекли съ веселымъ смѣхомъ и шутками въ глубь парка, гдѣ чуть бѣлѣлась бесѣдка, увитая растеніями. Началась оргія, продолжавшаяся всю ночь.

«Потомъ каждый день спектакль и балъ», продолжаетъ князь Шаликовъ свои воспоминанія. «Гостей было довольно. Между тѣмъ, какъ отдыхали отъ танцевъ, юныя нимфы терпсихорины танцевали нѣкоторыя сцены изъ балетовъ или что-нибудь другое. Ихъ искусство, легкость, гибкость, пріятность тѣлодвиженія были еще плѣнитель-

нѣе, интереснѣе для глазъ вблизи, нежели на театрѣ, въ большой, освѣщенной множествомъ люстръ, галлерей. Послѣ нихъ выступаютъ на сцену двѣ цыганки, то-есть двѣ терпсихорины же нимфы, въ совершенно цыганскомъ костюмѣ, и, подъ громкія, отрывистыя пѣсни; аккомпанируемая оркестромъ, пляшутъ съ неописанною прелестью. Одна изъ нихъ стоитъ того, чтобы описать ее, и лучшею кистью, нежели моя. Вообразите грацію съ черными волосами, съ черными глазами, съ пріятнѣйшей улыбкой на прекрасно образованныхъ розовыхъ устахъ, въ алой казиміровой одеждѣ; вообразите при этомъ живость выраженій цыганской пляски... Ахъ, Полянская!.. Громъ рукоплесканій раздается въ пространствѣ галлерей. Мнѣ казалось, что я въ Аѳинахъ у роскошнаго Гиппія, въ храмѣ наслажденія»...

II.

Подобныя же сцены происходили у большинства богатыхъ помѣщиковъ. Въ концѣ XVIII столѣтія въ Алатырскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, проживалъ богатѣйшій помѣщикъ князь Грузинскій. Театръ его гремѣлъ на всю губернію. Вотъ какъ описываетъ одинъ современникъ видѣнное имъ въ томъ театрѣ представленіе:

«Когда занавѣсъ подыметъ, выйдетъ сбоку красавица Дуняша, ткача дочь, волосы наверхъ подобраны, напудрены, цвѣтами изукрашены, на щекахъ мушки налѣплены, сама въ помпадурѣ на фижмахъ, въ рукѣ посохъ пастушій съ алыми и голубыми лентами. Станетъ князя виршами поздравлять, и когда Дуня отчитаетъ, Параша подойдетъ—царя дочь. Эта пастушкомъ наряжена, въ пудрѣ, въ штанахъ и въ камзолѣ. И станутъ Параша съ Дунькой виршами про любовь да про овечекъ разговаривать, сядутъ рядкомъ да обнимутся. Нердѣли по четыре дѣвокъ бывало тѣмъ виршамъ съ голосу Семень Титычъ, сочинитель, училъ, были неграмотныя. Долго бывало маются, сердечныя, да какъ разъ пятокъ ихъ для понятія выдеруть, выучатъ твердо.

«Андрюшку поваренка сверху на веревкѣ спустятъ, бога Феба онъ представляеть, въ аломъ кафтанѣ, въ голубыхъ штанахъ съ золотыми блестками. Въ рукѣ доска прорѣзная, золотой бумагой оклеена, прозывается лирой, вокругъ головы у Андрюшки золоченыя проволоки понатыканы, въ родѣ сіянiя. Съ Андрюшкой девять дѣвокъ на веревкѣ, бывало, спустятъ; напудрены всѣ, въ бѣлыхъ робронахъ; у каждой въ рукахъ нужная вещь; у одной скрипка, у другой святочная харя, у тре-

тѣей зрительная труба. Подъ музыку стихи пропоютъ, князю вѣнокъ подадутъ, и такой пасторалью всѣ утѣшены. Князь велитъ позвать сочинителя Семена Титыча, чтобы подарокъ пожаловать, но никогда его привести не возможно. Каждый разъ не годился и въ своей горницѣ за замкомъ на цѣпи сидѣлъ. Неспокоенъ во хмѣлю бывалъ».

Въ этихъ простодушныхъ строкахъ ярко рисуется вся закулисная, темная сторона крѣпостного театра. Ее, впрочемъ, и не старались особенно скрывать: зрителямъ было въ достаточной мѣрѣ извѣстно все, что происходитъ за сценой, но это было такъ обыкновенно, что не возбуждало ничьего возмущенія.

Вотъ еще отрывокъ изъ воспоминанія одного сельскаго священника.

У одного помѣщика былъ прекрасный хоръ. Самъ онъ былъ страстнымъ любителемъ пѣнія и прекрасно игралъ на скрипкѣ. Слава объ его хорѣ, которымъ руководилъ онъ самъ, гремѣла по всему уѣзду. Нарочно пріѣзжали издалека, чтобы послушать его. Разъ къ этому помѣщику пріѣхало нѣсколь-ко гостей изъ Петербурга, и, конечно, выразили желаніе послушать знаменитый хоръ. Вечеромъ состоялся концертъ въ домашнемъ театрѣ. Самъ хозяинъ съ гостями помѣ-

стился въ первомъ ряду. Концертъ начался. Не успѣли еще отзвучать послѣднія ноты первой пѣсни, какъ уже гости въ порывѣ восторга зааплодировали.

«Чудно! прелестно!» — твердили они, обращаясь къ хозяину. — «Даже у насъ въ Петербургѣ не услышишь ничего подобнаго!»

Хозяинъ сіялъ. «Подождите, вѣдь это только начало», — проговорилъ онъ и подалъ знакъ къ продолженію концерта. «Ахъ, вы сѣни, мои сѣни», залихватски грянулъ хоръ. У самаго края сцены стоялъ высокій кудрявый парень съ красивымъ открытымъ лицомъ. Онъ весь ушелъ въ пѣніе, старательно вытягивая ноты и не спуская глазъ съ лица барина. Вдругъ на одномъ изъ переходовъ голосъ его дрогнулъ и онъ взялъ на полтона ниже, чѣмъ слѣдуетъ, но тотчасъ поправился и продолжалъ пѣть. Никто изъ присутствующихъ, кромѣ хозяина, не замѣтилъ этой ошибки. Что-то неуловимое промелькнуло въ его глазахъ, но улыбка продолжала сіять на его губахъ. «Ахъ, Феденька», — чуть слышно проговорилъ онъ съ кроткимъ упрекомъ и покачалъ головой. Лицо парня покрылось блѣдностью, смѣнившейся тотчасъ же яркимъ румянцемъ стыда. Онъ отступилъ назадъ, смѣшался съ хоромъ и незамѣтно ушелъ, прячась за спинами товарищей, со сцены.

Хоръ продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пѣть. По окончаніи пѣсни опять раздались аплодисменты и восхищенные возгласы гостей, а въ это время по двору, въ концѣ котораго виднѣлись конюшни, медленно шелъ только что скрывшійся пѣвецъ.

«Вонъ никакъ Ѳедька идетъ», — замѣтилъ одинъ изъ конюховъ, сидѣвшихъ въ дверяхъ конюшни.

«Онъ и есть!» — отозвался другой.

«Что къ намъ пожаловалъ? Аль сфальшивилъ и нашего угощенья захотѣлъ?» — раздались насмѣшливые голоса. — «Ну, ради праздника мы тебя полегче выдеремъ».

Минуть черезъ пятнадцать Ѳедя снова появился среди пѣвцовъ. Лицо его нервно подергивалось, весь онъ какъ-то съежился и старался спрятаться за товарищей, которые, конечно, отлично знали, что съ нимъ произошло, но боялись даже движеніемъ или взглядомъ выдать свое сочувствіе.

«Вотъ сегодня вы свѣтское пѣніе изволили слушать», — обратился хозяинъ къ гостямъ по окончаніи концерта. — «А завтра, если угодно будетъ, мы вамъ обѣдню пропоемъ. Смѣю увѣрить, что эти каналы недурно и духовное поютъ».

На другое утро, съ первымъ ударомъ колокола, гости были уже въ церкви. Самъ хозяинъ вмѣстѣ съ пѣвчими стоялъ на кли-

росѣ и лично управлялъ хоромъ, состоявшимъ наполовину изъ дворовыхъ дѣвушекъ.

Нѣжно звенѣли юные, свѣжіе голоса, то ликующіе, то таинственно грустные, и присутствовавшихъ охватывало какое-то умиленное состояніе.

Обѣдня кончилась. Хозяинъ присоединился къ своимъ гостямъ и вмѣстѣ съ ними сталъ у дверей церкви, пропускавая мимо себя хоръ. Впереди шли дѣвушки, скромно потупивъ глаза и видимо робѣя въ присутствіи господъ. Баринъ зорко вглядывался въ лица. «А тебя-то мнѣ и надо!»—закричалъ онъ вдругъ, останавливая миловидную, чернобровую дѣвушку. Та испуганно подалась назадъ. «Ты что же это, моя милая, сфальшивила: вѣдь, въ «Достойно» ля—діезное! Да и ты тоже хороша, Даша», продолжалъ онъ, обращаясь къ слѣдующей. Въ концертномъ «Прійдите», до-фисъ брать нужно». Все это произносилось самымъ ласковымъ голосомъ, рука его нѣжно гладила щеки то одной жертвы, то другой, стоявшихъ, какъ приговоренныя. Онъ-то хорошо зналъ, что кроется подъ этими нѣжностями.

«Ну, идите, идите съ Богомъ! Да смотрите, чтобы въ другой разъ не фальшивить», добродушно погрозилъ онъ пальцемъ, и несчастныя, едва сдерживая рыданія, поплелись «на конюшню».

Тотъ же помѣщикъ имѣлъ обыкновеніе во время своихъ домашнихъ спектаклей приходить во время антрактовъ за кулисы и дѣлать тамъ внушенія. «Ты, Саша», говорилъ онъ, обращаясь къ актрисѣ, игравшей главную роль, «не совсѣмъ выдержала роль: графиня NN должна держать себя съ большимъ достоинствомъ». И бѣдная Саша тотчасъ же отправлялась на конюшню, а по возвращеніи оттуда, изо всѣхъ силъ старалась поддержать въ себѣ аристократическое достоинство, купленное такой дорогой цѣной. Баринъ, очевидно, ни разу не поставилъ себѣ самаго простаго вопроса: откуда взять простой крестьянкѣ, взятой чуть не отъ сохи, тонъ и манеры аристократки? Гдѣ могла ихъ подглядѣть крѣпостная актриса, постоянно вращавшаяся въ обществѣ себѣ подобныхъ и не видѣвшая ничего, кромѣ своей деревни и барскаго дома.

— Другіе помѣщики прибѣгали въ этомъ случаѣ къ инымъ мѣрамъ. Такъ, на примѣръ, князь Шаховской, державшій большой театръ въ Нижнемѣ, назначалъ попеременно своихъ актрисъ въ услуженіе къ княгинѣ, чтобы онѣ могли научиться у нея свѣтскимъ приемамъ. Тотъ же любитель, прежде чѣмъ поставить у себя на сценѣ «Горе отъ ума», поставитъ у себя главныхъ актеровъ своихъ въ Москву, гдѣ водилъ ихъ на хоры въ Дворян-

ское собраніе, когда тамъ давались велико-свѣтскіе балы. Тогдашнія красавицы и фран-ты, веселившіеся въ залѣ, и не подозрѣва-ли, что за каждымъ ихъ движеніемъ слѣ-дитъ много глазъ, жадно всматривавшихся въ открывшійся передъ ними міръ блеска, пошлости и красоты.

Театръ князя Шаховского былъ одинъ изъ самыхъ большихъ частныхъ театровъ того времени. Онъ помѣщался въ большомъ деревянномъ зданіи и очень охотно посѣ-щался нижегородской публикой, несмотря на то, что обстановка была довольно прими-тивна. Такъ, на примѣръ, освѣщенія въ те-атрѣ не полагалось, то-есть, во время пред-ставленія освѣщалась одна сцена, а во вре-мя антрактовъ зрители сидѣли въ темнотѣ, такъ какъ князь находилъ излишнимъ тра-титься хотя бы на сальныя свѣчи.

Труппа состояла изъ крѣпостныхъ князя. Онъ лично выбиралъ актеровъ и актрисъ изъ числа своихъ многочисленныхъ поддан-ныхъ и руководилъ ихъ обученіемъ. Не-счастливымъ артистамъ приходилось жить въ самой ужасной обстановкѣ. У князя была одна іdéе fixe: онъ желалъ, чтобы его труп-па отличалась, кромѣ талантовъ, еще вы-сокою нравственностью и не останавливался ни передъ какими мѣрами, чтобы оградить своихъ актеровъ отъ соблазновъ свѣта. Ак-

теры и актрисы жили отдѣльно въ двухъ большихъ зданіяхъ, неподалеку отъ театра, подѣ присмотромъ особыхъ надзирателей. Встрѣчались они только въ театрѣ на сценѣ, но и тамъ, подѣ страхомъ жестокаго наказанія, запрещалось имъ приближаться другъ къ другу на разстояніи не менѣе аршина, такъ что всѣ нѣжныя сцены должны были проводиться на разстояніи. За малѣйшій проступокъ или ошибку въ игрѣ назначались самыя строгія наказанія, напоминавшія иногда прямо пытку.

Разъ одинъ изъ пріѣзжихъ гостей пожелалъ осмотрѣть помѣщеніе актеровъ. При входѣ въ одну комнату, его поразила слѣдующая картина: посрединѣ комнаты стоялъ молодой человекъ съ измученнымъ отъ страданія лицомъ. Его шею плотно охватывала желѣзная рогатка, такъ что несчастный не могъ пошевелиться.

«Что это такое?» вырвалось у пораженного гостя.

«А это я его приказалъ немного наказать», отозвался спокойно князь, «чтобы онъ въ другой разъ роль царя Эдипа получше провелъ. Вотъ постоитъ такъ нѣсколько часовъ, и исправится».

Въ другой комнатѣ гость увидѣлъ сидящаго на стулѣ человекъ съ желѣзнымъ ошейникомъ на шеѣ, отъ котораго шла цѣпь,

прикрѣпленная къ стулу, такъ что человекъ былъ буквально прикованъ къ своему сидѣнію и не могъ никуда двинуться.

«А это Сережка - скрипачъ», пояснилъ князь, «онъ намедни сфальшивилъ въ оркестрѣ, такъ я его на цѣпь посадилъ».

За кулисами театра всегда висѣла наготовѣ плеть, которою князь иногда собственноручно наказывалъ актеровъ.

Немудрено, что у одного изъ случайныхъ посѣтителей этого театра, князя Долгоруба, вырвались слѣдующія, дышащія возмущеніемъ и грустью слова: «Какого можно ждать дарованія отъ раба, котораго можно и высѣчь, и въ стулъ посадить по одному произволу? Слѣдовательно, и толпа его актеровъ, которыхъ очень много, играетъ точно такъ, какъ волъ везетъ тягость, когда его черкесь прутомъ гонить. Я не восхожу къ причинамъ, отчего крѣпостной человекъ не можетъ имѣть превосходнаго таланта».

III.

Но подобная строгость нравовъ, которая царила у князя Шаховского, являлась исключеніемъ. Въ большинствѣ случаевъ въ частныхъ крѣпостныхъ театрахъ царила распущенность, поощряемая, обыкновенно, самимъ бариномъ. Въ первой половинѣ про-

шлаго столѣтія въ Пензѣ существовалъ домашній театръ богатаго помѣщика В. Г. Гладкова, въ труппѣ котораго играли не только свои крѣпостные актеры, но и любители изъ пензенскихъ чиновниковъ.

Первымъ актеромъ въ этой труппѣ былъ крѣпостной, по имени «Гришка». Его, какъ и самого Гладкова, рѣдко видали трезвымъ. Напившись, онъ становился необыкновенно буйнымъ, такъ что окружавшіе его боялись подойти къ нему. На сцену онъ въ другомъ видѣ никогда не показывался и невзыскательныхъ пензенцевъ нисколько не коробили чуть не ежедневно повторявшіяся безобразія. На сценѣ, бывало, реветъ дикимъ голосомъ Гришка, изображая какую-нибудь трагедію, а въ первыхъ рядахъ креселъ, напротивъ сцены, развалился растрепанный и тоже пьяный Гладковъ и все время зычнымъ голосомъ поправляетъ невѣрно играющихъ, по его мнѣнію, актеровъ.

«Гришка, скотина, опять врешь!» кричитъ онъ, грозя кулакомъ главному герою, но тотъ продолжаетъ реветъ, не обращая никакого вниманія на барина.

«А ты, Сашка, дура, опять не такъ антраша выкинула! Вотъ я тебѣ покажу!» И баринъ срывается съ мѣста, перепрыгиваетъ черезъ рампу, и въ залъ громко раздается звукъ пощечины. «Ахъ ты, такая сякая»,

продолжаетъ въ изступленіи баринъ, наступая на дрожащую отъ боли и страха танцовщицу.

А зрители хладнокровно смотрѣли на эту дикую расправу, нисколько не возмущаясь ею, и даже находя ее въ порядкѣ вещей.

Какой взглядъ царилъ въ тогдашнемъ обществѣ, яснѣе всего видно изъ записокъ Вигеля, жившаго въ Казани въ началѣ XIX столѣтія.

Тамъ въ это время славился крѣпостной театръ помѣщика Есипова, къ которому однажды былъ приглашенъ на обѣдъ авторъ записокъ.

«Я крайне удивился», пишетъ онъ, «увидѣвъ у него съ дюжину нарядныхъ женщинъ. Я зналъ, что дамы не посѣщаютъ его. Это все были Тени, Матрешы, Ариши, крѣпостныя актрисы хозяйской труппы. Я еще болѣе удивился, когда они пошли съ нами къ столу, и когда, въ противность тогдашнему обычаю, чтобы женщины сядились всѣ на одной сторонѣ, онѣ размѣстились между нами, такъ что я очутился противъ двухъ красавицъ... На другомъ концѣ стола сидѣли—можно ли повѣрить?—актеры и музыканты, то-есть слуги, которые смѣнялись, вставали изъ-за стола, служили намъ и потомъ опять за него сажались. После обѣда всѣ они наряжались и готовились

потѣшить насъ оперой «Casa gaга» или «Рѣд-
кая вещь». Играли и пѣли они какъ и всѣ
провинціальные актеры, не лучше и не ху-
же». Первымъ украшеніемъ этого театра бы-
ла одна крѣпостная актриса, по имени Оеклу-
ша Аникіева—первая любовница въ коме-
діяхъ, драмахъ и операхъ.

«Оеклуша», говоритъ въ своихъ воспоми-
наніяхъ Аксаковъ, «была не хороша со-
бой, но со сцены казалась красавицей; она
имѣла черные, выразительные глаза, а ве-
черомъ освѣщеніе, бѣлила и румяна докан-
чивали остальное. Въ ея игрѣ было много
естественности и неподдѣльнаго чувства».

Каждый разъ, какъ только Оеклуша по-
являлась на сценѣ, ее встрѣчалъ громъ
аплодисментовъ, и къ ея ногамъ летѣли
кошельки, тогдашній способъ выразить свои
восторги. Но вдругъ, въ одинъ прекрасный
день, Оеклуша исчезла. Гнѣвъ барина не
зналъ предѣловъ. Немедленно было отдано
строгое приказаніе отыскать во что бы то ни
стало бѣглянку. Ее, дѣйствительно, уда-
лось разыскать, но оказалось, что она уже
замужемъ. У нея давно тянулся романъ съ
однимъ бѣднымъ почтовымъ чиновникомъ.
Молодые люди страстно любили другъ дру-
га, но принуждены были скрывать это отъ
всѣхъ, а больше всего отъ барина, зная
заранѣе, какъ онъ отнесется къ ихъ чув-

ству. Но такое положеніе стало, наконецъ, слишкомъ тяжело и Оеклуша рѣшилась тогда на отчаянный шагъ, зная отлично, какими послѣдствіями грозитъ онъ ей. Есиповъ, дѣйствительно, былъ страшно разгнѣванъ такимъ своеволіемъ и Оеклуша не избѣжала бы самаго строгаго наказанія, если бы за нее не вступилось все казанское общество, умолявшее Есипова пощадить всеобщую любимицу.

Есиповъ уступилъ просьбамъ и Оеклуша опять появилась на сценѣ; но въ ней наступила переменна. Ее не удовлетворялъ уже тотъ успѣхъ, которымъ она пользовалась у казанцевъ; ей хотѣлось болѣе широкой дѣятельности; оваціи и лесть вскружили ей голову, и она начала мечтать о московской сценѣ. Послѣ долгихъ мытарствъ, ей удалось устроиться въ Москвѣ, но особеннаго успѣха она не имѣла, бороться съ интригами, царившими за кулисами, тоже не умѣла, и ей пришлось бросить столичную сцену. Мужъ никогда не покидалъ ее, вмѣстѣ съ нею переживалъ всѣ ея неудачи, нищету, даже голодъ. Положеніе ихъ было ужасно. «Я пытался», пишетъ Аксаковъ, «ободрить этихъ по-истинѣ жалкихъ существъ, но они, повидимому, не унывали, несмотря на неудачи и нищету. Они, пожалуй, были счастливы даже въ настоя-

шемъ, потому что горячо любили другъ друга, но ихъ будущность казалась весьма неблагонадежною и зловѣщею».

Въ томъ же казанскомъ театрѣ Есипова, гдѣ подвизалась Ѳеклуша, произошелъ разъ забавный инцидентъ.

Однажды давалась опера «Магометъ». Въ числѣ зрителей было очень много татаръ, съ удовольствіемъ смотрѣвшихъ на рѣдкое для нихъ зрѣлище. По ходу пьесы, на сценѣ должна была фигурировать чалма Магомета. Какъ только ее внесли, среди татаръ поднялось необычайное смятеніе: они начали торопливо скидывать съ ногъ своихъ туфли, потомъ попадали ницъ и, наконецъ, бросились всей толпой изъ театральной залы, оглашая ее возгласами: «Алла! Алла!»

Оказалось, что, при видѣ чалмы, они вообразили, что это дѣйствительно чалма, принадлежавшая нѣкогда Магомету и, въ испугѣ, поверглись въ прахъ передъ такой святыней.

Въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, каждому, приѣзжавшему въ первый разъ въ городъ Орель, бросалось сразу въ глаза огромное зданіе, или вѣрнѣе, цѣлая группа зданій, занимавшихъ большую часть городской площади. На вопросъ путешественника, что это за строеніе, ему отвѣчали, что это владѣнія графа Каменскаго, его театръ, домъ и дворовья службы.

Графъ былъ страстный любитель-театраль и посвятилъ всю свою жизнь любимому искусству. Онъ лично завѣдывалъ всѣмъ сложнымъ театральнымъ дѣломъ и даже самъ сидѣлъ въ кассѣ въ дни представлений и продавалъ билеты.

При входѣ въ театральнй залъ, зрители встрѣчали графскіе лакеи, одѣтые въ придуманные самимъ графомъ ливреи; на ихъ обязанности лежало указывать гостямъ мѣста, а во время антрактовъ обносить морсомъ, квасомъ, пастилой и другими домашними сладостями. Во второмъ ряду кресель всегда сидѣла главная фаворитка Каменскаго, на груди которой красовался огромный медальонъ съ портретомъ графа. За нею, въ третьемъ ряду помѣщались мать графа и его дочь. Самъ графъ усаживался въ ложѣ сбоку и внимательно слѣдилъ за ходомъ пьесы по тетрадкѣ, отмѣчая карандашомъ всѣ малѣйшія ошибки въ игрѣ актеровъ. Отъ нихъ требовалось знаніе роли на зубокъ, и горе тому актеру или актрисѣ, которые выпустили хоть одно слово изъ своей роли. Въ антрактахъ имъ приходилось тогда попробовать барской плети, всегда лежавшей наготовѣ около графа.

Обстановка, въ которой жили его актеры, была самая суровая. Всѣ они помѣщались въ особомъ зданіи около театра. По звуку

волторны и барабана сходились они на обѣдъ и ужинъ, при чемъ ѣсть должны были стоя, такъ какъ, по мнѣнію графа, тогда «будешь ѣсть до-сыта, а не до безчувствія». Но несмотря на строгое воспитаніе и обученіе, игра актеровъ, по отзыву знающихъ лицъ, была далека не только отъ совершенства, но даже отъ мало-мальски приличнаго исполненія. Болѣе требовательная публика, какъ напр., офицеры, лишь изрѣдка заглядывала въ театръ графа, да и то больше для того, чтобы весело провести время и посмѣяться надъ напрасными усиліями актеровъ изобразить какую-нибудь трагедію. Они вваливались, обыкновенно, шумной толпой въ театръ, разсаживались по мѣстамъ и начинали, не стѣсняясь присутствіемъ самого графа, вслухъ критиковать игру актеровъ, громко смѣяться и вообще вести себя крайне непринужденно. Графъ, сидя въ своей ложѣ, выходилъ изъ себя, бросалъ на нихъ сердитые взгляды, но не рѣшался выпроводить шумныхъ гостей.

Графъ не останавливался ни передъ какими затратами, чтобы имѣть возможность блеснуть роскошными костюмами и декорациями. На постановку, напр., «Калифа Багдадскаго», онъ затратилъ 30,000 р. Немудрено, что, несмотря на огромное состояніе

(болѣе 7,000 душъ крестьянъ) графъ, въ концѣ-концовъ, разорился. Когда онъ умеръ, не на что было даже похоронить его.

И подобные случаи были тогда не рѣдки. Вообще Москва отличалась въ то время обиліемъ домашнихъ театровъ. Въ Леонтьевскомъ переулкѣ помѣщался театръ помѣщика Позднякова, про котораго тотъ же Грибоѣдовъ замѣтилъ:

«На лбу написано: театръ и маскарадъ, Домъ зеленую расписанъ въ родѣ роши, Самъ толстъ, его артисты тощи».

Въ огромномъ особнякѣ графа Апраксина давались роскошно обставленные оперы и балеты. Такъ, напр., въ оперѣ «Діана и Эндиміонъ», на сцену выбѣгали живые олени, слышался лай собакъ и звуки охотничьихъ роговъ.

Каждую зиму, когда начинался обычный съѣздъ помѣщиковъ въ Москву, неизмѣнно появлялся извѣстный всему городу помѣщикъ Кологривовъ, привозившій въ столицу свою музыку, свою псарню и труппу. Будучи большимъ любителемъ театра, онъ, однако, никогда не посѣщалъ казенныхъ театровъ, мотивируя это довольно оригинально: «У меня на сценѣ, придешь, всѣ актеры раскланиваются. Къ вамъ же когда придешь въ театръ, никто тебя не замѣтитъ, никто не поклонится».

IV.

Но не одни домашніе театры заполнялись крѣпостными актерами. Большинство казенныхъ тоже держалось ими. Случалось, что театральная дирекція покупала у помѣщиковъ цѣлыя труппы актеровъ, музыкантовъ и живописцевъ, что для помѣщика являлось всегда дѣломъ очень выгоднымъ, потому что никто не цѣнился въ то время такъ высоко, какъ крѣпостные, обладавшіе какимъ-нибудь талантомъ.

Казеннымъ актерамъ вмѣнялось въ обязанность непрекословно исполнять всѣ приказанія начальства. Въ противномъ случаѣ ихъ ожидалъ арестъ, розги или даже сдача въ солдаты.

Въ отношеніи актеровъ господствовалъ полный произволъ. Ихъ назначали, не спрашивая, на самыя разнообразныя должности, и они не смѣли протестовать, — какъ это видно изъ дѣла музыканта Северьяна Самарина, занимавшаго должность скрипача въ казенномъ оркестрѣ. Онъ отличался большими способностями, и прекрасно игралъ на скрипкѣ и фортепіано. Благодаря нѣкоторымъ знакомствамъ, ему удалось приобрести частные уроки, которые и давали

ему возможность жить безбѣдно и поддерживать свою семью.

Но такая спокойная жизнь продолжалась недолго. Начальство, прослышавъ объ его педагогической дѣятельности, рѣшило использовать его въ своихъ интересахъ и назначило преподавателемъ музыки въ театральное училище съ грошовымъ окладомъ въ 300 руб. въ годъ.

Самаринъ прозанимался тамъ съ мѣсяцъ, но потомъ отказался, находя это дѣло для себя не выгоднымъ.

Тогда начальство, въ видѣ наказанія, перевело его на послѣднюю скрипку въ оркестрѣ, а когда и это не сломило его упрямства, назначило его въ капельдинеры.

Это послѣднее униженіе сломило гордость молодого человѣка, и онъ, скрѣпя сердце, опять взялся за преподаваніе въ училищѣ.

Но на этомъ дѣло не кончилось. Въ одинъ прекрасный день, въ конторѣ казенныхъ театровъ были удивлены появленіемъ пожилой, скромно, но прилично одѣтой женщины, которая обратилась съ просьбой провести ее къ главному завѣдующему.

Ее ввели въ кабинетъ. Завѣдующій сидѣлъ за письменнымъ столомъ. «Что вамъ угодно?» небрежно обратился онъ къ просительницѣ.

«Я мать музыканта Северьяна Самарина»,

начала та, «и явилась къ вамъ съ почти-
тельной просьбой разрѣшить ему уѣхать въ
отпускъ».

«Это еще зачѣмъ?» рѣзко спросилъ за-
вѣдующій.

«Ему слишкомъ невыгодно служить въ теа-
тральномъ училищѣ. Если вы его отпусти-
те, тогда онъ намѣренъ ѣздить по помѣщи-
камъ и давать уроки, что для него будетъ
гораздо выгоднѣе».

«Этому не бывать! Твой сынъ останется
на этомъ мѣстѣ», крикнулъ грубо завѣ-
дующій.

Но Самарина не оробѣла. «Въ такомъ
случаѣ», проговорила она, «намъ съ сы-
номъ остается только уѣхать безъ всякаго
разрѣшенія въ Петербургъ, гдѣ мы сумѣемъ
найти заступниковъ».

Завѣдующій вскипѣлъ: «А, ты у меня
еще разсуждать! Я тебѣ покажу. Взять ее
немедленно подъ арестъ!» закричалъ онъ,
и несчастную женщину, несмотря на ея про-
тесты, поволокли въ «темную», гдѣ она и
протомилаась нѣсколько дней. Благодаря лишь
усиленнымъ ходатайствамъ мужа удалось ей
выбраться на волю, при чемъ ей милости-
во простили ея проступокъ, замѣтивъ, одна-
ко, что «ежели она впредь позволитъ себѣ
такую дерзость, то съ нею будетъ посту-
плено примѣрно».

Вообще положеніе крѣпостного музыканта было также тяжело, какъ и его товарища по несчастію, крѣпостного актера. Обучались они своему искусству обыкновенно, у какихъ-нибудь иностранныхъ учителей, приглашавшихся для обученія музыки барскихъ дѣтей, и нерѣдко поражали учителей своею исключительной музыкальностью. Нѣкоторые изъ нихъ не довольствовались только игрой, а пробовали свои силы даже въ композиціи, такъ что у многихъ помѣщиковъ ставились оперы и балеты, сочиняемые собственными композиторами и поэтами. Но имена этихъ талантовъ-самородковъ не дошли до насъ, такъ какъ помѣщику и въ голову не приходило сохранить ихъ для потомства.

Положеніе крѣпостныхъ музыкантовъ было, пожалуй, въ одномъ отношеніи тяжелѣе положенія актеровъ. Тогда какъ эти послѣдніе такъ сказать специализировались въ своей области и не употреблялись болѣе ни на какую другую работу, музыканты, помимо своихъ прямыхъ обязанностей, несли еще цѣлый рядъ другихъ служебныхъ функций, ничего общаго съ музыкой не имѣвшихъ.

«Оркестръ», рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ князь Кропоткинъ, «былъ пунктомъ тщеславія моего отца; почти каждый

дворовой, помимо своего ремесла, состоялъ еще басомъ или кларнетомъ въ оркестръ. Настройщикъ Макаръ, онъ же помощникъ дворецкаго, игралъ также на флейтѣ. Портной Андрей игралъ на волторнѣ. Обязанностью же кондитера было вначалѣ бить въ барабанъ; но онъ такъ усердствовалъ, что оглушалъ всѣхъ. Тогда ему купили чудовищную трубу въ надеждѣ, что, быть можетъ, легкими онъ не будетъ въ состояніи производить такой шумъ, какъ руками. Но когда и эта надежда не оправдалась, его сдали въ солдаты. Что же касается рябого Тихона, то, помимо безчисленныхъ обязанностей въ домѣ, въ роли ламповщика, полотера, или выѣздного лакея, онъ еще не безъ пользы помогалъ въ оркестръ, сегодня на тромбонѣ, завтра на контръ-басѣ, а не то и какъ вторая скрипка».

V.

Среди безчисленной толпы крѣпостныхъ актеровъ, плѣнявшихъ нѣкогда сердца и чувства современниковъ, и исчезнувшихъ, не оставивъ потомству даже памяти о себѣ, выдѣляется одинъ женскій образъ, къ которому судьба отнеслась болѣе благосклонно. Это Прасковья Ивановна Шереметьева, крѣпостная графовъ Шереметьевыхъ.

Въ семи верстахъ отъ Москвы, въ живописной, лѣсистой мѣстности, раскинулось село Кусково, вотчина бояръ Шереметьевыхъ, пожалованныхъ Петромъ въ графское достоинства. Сынъ знаменитаго фельдмаршала Шереметьева, сподвижника Петра, женился на княгинѣ Черкасской, принесшей въ приданое огромныя помѣстья, окружавшія съ двухъ сторонъ Москву и тянувшіяся вплоть до Коломны, которыя и положили основаніе баснословному богатству Шереметьевыхъ, вошедшему даже въ поговорку.

Послѣ смерти жены, графъ Петръ Борисовичъ совсѣмъ переселился въ Кусково, гдѣ велъ жизнь подобную той, какую вели всѣ тогдашнія вельможи, удалявшіеся на покой въ свои подмосковныя.

Графъ Петръ Борисовичъ, поселившись въ Кусковѣ, первымъ дѣломъ принялся за украшеніе его. Тогда именно былъ выстроенъ архитекторомъ Валли барскій домъ, существующій и понынѣ. Къ дому шелъ широкой «проспектъ», въ началѣ котораго стоялъ деревянный столбъ съ надписью, приглашавшей посѣтителей Кускова, «веселиться, какъ кому угодно, въ домѣ и саду».

И москвичи, дѣйствительно, пользовались этимъ любезнымъ приглашеніемъ. Огромныя толпы народа тянулись каждый праздникъ по направленію Кускова.

Роскошный паркъ едва вмѣщалъ всѣхъ, желающихъ пользоваться его достопримѣчательностями, которыя встрѣчались на каждомъ шагу. Число посѣтителей доходило въ праздники до 50 тысячъ, званыхъ же гостей до 2,000.

Но главной приманкой являлся, славившійся по всей Москвѣ домашній театръ графа, по размѣрамъ своимъ и обстановкѣ далеко превосходившій казенный московскій. Съ открытіемъ кусковскаго театра, этотъ послѣдній пришелъ совсѣмъ въ упадокъ, публика не посѣщала его, такъ что содержатель его Медоксъ, обратился съ жалобой на графа Шереметьева, отвлекающаго публику въ свой театръ. Но жалоба осталась, конечно, безъ послѣдствій. Графъ Петръ Борисовичъ отвѣчалъ, что «театръ у него бываетъ ежедневно и, при томъ, входъ въ него бесплатный».

Зданіе театра было деревянное, вырубленное изъ цѣльныхъ, громадныхъ брусьевъ, отличавшихся необычайной прочностью. Внутренность его поражала роскошью отдѣлки. При театрѣ была одна изъ самыхъ большихъ театральныхъ библіотекъ того времени. Репертуаръ театра былъ самый разнообразный, преимущественно же давались оперы и балеты, на декорации которыхъ графъ не жалѣлъ средствъ. Лѣтомъ театръ пере-

ходилъ въ другое помѣщеніе, такъ называемый «Воздушный театръ», гдѣ играли на открытой сценѣ.

Но самыя блестящія торжества состоялись въ Кусковѣ по случаю посѣщенія ея императрицей Екатериной II. Она была тамъ раньше лишь проѣздомъ, а теперь пожелала осмотрѣть его подробно, наслышавшись объ его чудесахъ.

Восхищенный этимъ знакомъ вниманія, графъ приложилъ всѣ усилія, чтобы посѣщеніе это оставило у присутствующихъ самое пріятное воспоминаніе.

Весь «Большой Проспектъ», тянувшійся къ дому, былъ превращенъ въ сплошную бесѣдку, украшенную цвѣтами, тропическими растеніями и аллегорическими картинами, прославлявшими императрицу.

Главный прудъ былъ усѣянъ флотиліей нарядныхъ лодокъ и судовъ; съ берега гремѣли пушечные выстрѣлы.

Около дома были выстроены ряды жителей Кускова, дѣвушки въ бѣломъ осыпали цвѣтами путь императрицы, милостиво улыбавшейся и раскланивавшейся направо и налево.

Вечеромъ состоялось представленіе въ театрѣ оперы «Самнитскіе браки», за которой слѣдовалъ балетъ.

Екатерина была въ такомъ восхищеніи отъ

исполненія, что допустила всѣхъ артистовъ къ рукѣ и наградила ихъ дорогими подарками. По окончаніи спектакля, гостей ждало новое волшебное зрѣлище. Графъ Петръ Боровичъ съ низкимъ поклономъ поднесъ императрицѣ живого голубя, вокругъ шеи котораго была обмотана зажженная пакля. Екатерина съ улыбкой взяла птицу и сейчасъ же выпустила ее. Въ темномъ небѣ взвилась блестящая точка и тотчасъ повсюду, въ паркѣ, на прудахъ, наверху, вспыхнули мириады «потѣшныхъ огней», образуя причудливыя, огненные картины, среди которыхъ выдѣлялись вензеля императрицы. Не успѣли еще догорѣть послѣднія искры, какъ скрытый не подалеку оркестръ грянулъ «Славься симъ Екатерина!» и все общество направилось во дворецъ, гдѣ его уже ждалъ изысканный ужинъ.

Празднество затянулось далеко за полночь, а затѣмъ Екатерина вернулась въ Москву, при чемъ вся дорога вплоть до самаго города освѣщалась плошками и смоляными бочками.

Этотъ праздникъ былъ послѣдній, который устраивалъ старикъ графъ. Въ 1788 году онъ умеръ, оставивъ наслѣдникомъ всѣхъ своихъ обширныхъ имѣній единственнаго сына своего Николая Петровича, которому въ это время было уже 37 лѣтъ.

Для Кускова наступили другія времена. Новый владѣлецъ не любилъ пышныхъ празднествъ, привлекавшихъ въ былыя времена несмѣтныхъ гостей. Онъ предпочиталъ одиночество, изрѣдка только развлекаясь охотой, да еще театромъ, хотя туда его влекло не искусство, а хорошенькія актрисы. Среди жителей Кускова и даже Москвы, стали ходить разнообразныя рассказы объ его образѣ жизни, объ его многочисленномъ гаремѣ, объ его, все увеличивающихся, странностяхъ. Неизвѣстно, какъ сложилась бы въ дальнѣйшемъ жизнь графа, если бы судьба не послала ему неожиданную встрѣчу, сразу измѣнившую всю его жизнь.

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, графъ одинъ возвращался съ охоты, погруженный, по обыкновенію, въ свои невеселыя думы. Вдругъ одна изъ охотничьихъ, бѣжавшихъ впереди, собакъ остановилась и съ громкимъ лаемъ бросилась куда-то въ сторону. Графъ очнулся отъ задумчивости и взглянулъ по тому направленію, откуда снова послышался лай, а затѣмъ и женскій крикъ.

Дорога шла какъ разъ подъ уклонъ къ ручью, около котораго виднѣлась крестьянка, гнавшая домой небольшое стадо коровъ.

Графъ ударилъ лошадь и подѣхалъ къ женщинѣ. «Не бойся, собака не тронетъ», началъ онъ и остановился пораженный. Передъ нимъ стояла необыкновенная красавица! При приближеніи графа, она робко вскинула на него свои огромные, черные глаза, но точасъ опустила ихъ подъ его внезапно вспыхнувшимъ взглядомъ и полуотвернулась отъ него, въ смущеніи теребя кончикъ тяжелой, темной косы, перекинутой черезъ плечо.

«Чья ты? Какъ тебя зовутъ?» проговорилъ, наконецъ, графъ.

«Я дочь кузнеца вашей милости, а зовутъ меня Парашей», робко отвѣтила дѣвушка.

«Такъ это тебя за лѣсника Ивана сватаютъ?» медленно произнесъ баринъ, выспуская глазъ съ вспыхнувшего вдругъ ей на дѣвушки. «Ну, этому не бывать!» Чой, этими словами графъ ударилъ лошадь лю-исчезъ въ вечернемъ сумракѣ. вы-

Медленно возвращалась Параша домысливъ ея ушахъ звенѣлъ еще властный и въ сѣнѣхъ тѣмъ нѣжный голосъ барина, и вѣдувало, помимо воли, его лицо. Забыто цини-и предстоящее сватовство и все окружающее.

На слѣдующій день, когда вся семья кузнеца усаживалась за обѣдъ, въ дверяхъ избы внезапно появилась фигура управляю-

щаго графа. Его появленіе произвело панику, всѣ такъ и застыли на своихъ мѣстахъ.

«А я за дочкой твоей пришелъ, Иванъ!» обратился управляющій къ кузнецу. «Графъ приказалъ ее къ себѣ привести».

«Да какъ же это? Гдѣ же онъ ее видѣлъ?» пробормоталъ кузнецъ.

«А ужъ это не знаю», усмѣхнулся управляющій. «Ну, живо!» крикнулъ онъ окаменѣвшей отъ испуга и неожиданности Парашѣ. «Сбираться тебѣ нечего. Тамъ уже все тебѣ приготовлено».

Всякое сопротивленіе было бесполезно, это хорошо понимали всѣ. Поэтому Параша, какъ въ полуснѣ, дала себя обнять графомъ послѣдній разъ, и, молча, двинулась за ланнымъ графа.

Съ этого дня для Парашы началась совершенно новая жизнь. Ея красота, умъ и таланты (она обладала прекраснымъ голосомъ и при жизни стараго графа, пѣла въ оперномъ хорѣ) сразу выдѣлили ее изъ среды обычныхъ графскихъ фаворитокъ, смѣявшихся чуть не каждый день. Первый разъ влюбленіе своей жизни графъ безумно полюбилъ, и эта любовь эта росла съ каждымъ днемъ.

Онъ уже совсѣмъ не разставался съ Парашей, исполнялъ ея малѣйшія желанія и, замѣтивъ ея блестящія способности, поста-

рался дать ей самое тщательное образова-
ніе. Къ ней былъ приставленъ цѣлый штатъ
учителей, обучавшихъ ее новымъ языкамъ,
декламаци, пѣнію и музыкѣ. Начался рас-
цвѣтъ Кусковскаго театра, опять гостепріим-
но раскрывшаго свои двери многочисленной
публикѣ. Специально для Параши была опять
возобновлена опера «Самнитскіе браки», ис-
полнявшей въ ней роль Эліаны. Когда она
появилась на сценѣ, въ блестящемъ рыцар-
скомъ костюмѣ, въ золотомъ шлемѣ на го-
ловѣ, раздался единодушный крикъ востор-
га, за которымъ послѣдовали бѣшенныя ру-
коплесканія. Кусковскій театръ никогда еще
не слыхалъ такихъ овацій, которыя выпа-
ли на долю новой звѣзды.

Но неожиданный, блестящій успѣхъ, вы-
выпавшій на долю Параши, не вскружилъ ей
голову. Она оставалась прежней, скромной,
кроткой женщиной, нѣжно и преданно лю-
бившей того, кто вознесъ ее на такую вы-
соту, и графъ, въ свою очередь, платилъ
ей полной взаимностью.

Но, несмотря на преклоненіе передъ ду-
шевными качествами этой рѣдкой женщи-
ны, несмотря на свою страстную любовь къ
ней, графъ въ то же время глубоко стра-
далъ, ясно сознавая, въ какой ужасный за-
колдованный кругъ привела его судьба. Съ
одной стороны, онъ понималъ, что навѣки

связанъ со своей подругой и что только одна смерть разлучить ихъ, но, съ другой стороны, въ немъ возмущалась вся, унаследованная отъ предковъ, фамильная гордость, не позволявшая ему сдѣлать послѣдній, рѣшительный шагъ и ввести любимую женщину полноправной хозяйкой въ свой домъ. Онъ даже долго не отпускалъ ее на волю и до 1798 г., т.-е. черезъ десять лѣтъ послѣ ихъ первой встрѣчи, она все еще числилась его крѣпостной.

Прасковья Ивановна безропотно и молча сносила всѣ страданія, которыя ей причиняло ея двойственное положеніе. Быстрое возвышеніе недавно еще никому неизвѣстной дѣвушки, ни могло не возбудить зависти со стороны многочисленной дворни, переполнявшей барскій дворъ. Прасковья Ивановна то-и-дѣло приходилось выслушивать колкіе намеки, обидныя клички, въ родѣ «кузнечихи, барской барыни», и сталкиваться лицомъ къ лицу со своими врагами, такъ какъ она все еще жила во флигелѣ, вмѣстѣ съ другими актрисами. Въ особенности тяжело ей было въ праздники, когда Кусково наполнялось толпами московскихъ жителей, которые то-и-дѣло сновали мимо ея оконъ, спорая отъ любопытства. Прасковья Ивановна старалась скрыть отъ графа всѣ тѣ мученія, которыя ей прихо-

дилось переживать, но тотъ самъ отлично видѣлъ, какъ она изнемогаетъ подъ тяжестью ихъ. Немалыя огорченія причиняла ей и ея семья, досаждавшая ей просьбами объ улучшеніи своихъ обстоятельствъ и осыпавшая ее упреками, когда она не рѣшалась беспокоить графа по поводу всякихъ пустяковъ.

Положеніе, наконецъ, стало совсѣмъ невыносимымъ. Чтобы оградить любимую женщину отъ незаслуженныхъ оскорбленій, графъ рѣшился открыто поселиться съ ней вмѣстѣ; но тутъ возникъ вопросъ, гдѣ? Оставить ее жить въ актерскомъ флигелѣ было невозможно, поселить ее въ главномъ домѣ казалось графу оскорбительнымъ для памяти его матери. Долго бился графъ надъ разрѣшеніемъ этого труднаго вопроса, пока не нашелъ выхода въ постройкѣ новаго дома, предназначеннаго спеціально для Прасковьи Ивановны; и вотъ, неподалеку отъ главнаго дома возникъ другой, небольшой деревянный домикъ, обстановка котораго поражала своей простотой. Въ этомъ-то домикѣ и прожила Прасковья Ивановна безвыѣздно цѣлыхъ девять лѣтъ, при чемъ единственными ея развлеченіями были выходы въ церковь, въ театръ, да еще небольшія прогулки по парку. Графъ строго запретилъ ей, во избѣжаніе всякихъ недо-

разумѣній, видѣться къ кѣмъ-либо, такъ что она жила въ полномъ уединеніи.

Казалось, теперь для обоихъ наступили болѣе спокойные дни. На самомъ дѣлѣ началась глубокая, внутренняя драма. Графъ чувствовалъ, что онъ поступаетъ нехорошо по отношеніи женщины, пожертвовавшей для него всѣмъ, что онъ долженъ сдѣлать послѣдній шагъ и жениться на ней. Но, при одномъ этомъ предположеніи, въ немъ съ новой силой вспыхивала аристократическая гордость, не позволявшая ему жениться на «холопкѣ», хотя бы и безумно имъ любимой. Нравственное состояніе графа было ужасное, онъ тщетно искалъ выхода и не находилъ его. Сколько разъ принималъ онъ твердо рѣшилъ порвать эту связь и начать совсѣмъ новую жизнь. Въ такія минуты онъ, обыкновенно, являлся къ Прасковѣ Ивановнѣ и начиналъ передъ ней разговоръ о своемъ тяжеломъ положеніи, о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ своему роду, заявлялъ ей прямо въ лицо, что онъ собирается жениться на какой-нибудь равной себѣ и вынужденъ, поэтому, бросить свою вѣрную подругу.

Прасковья Ивановна молча выслушивала эти изліянія, смиренно соглашаясь на всѣ, предлагаемыя ей, условія, и только по уходѣ графа давала волю своимъ слезамъ.

Ко всѣмъ этимъ внутреннимъ переживаніямъ, прибавились опять непріятности съ внѣшней стороны. Какъ не старался графъ оградить ее отъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ, ей все-таки приходилось съ нимъ сталкиваться, то въ церкви, то въ театрѣ, и встрѣчи эти болѣзненно отзывались на ея, и безъ того натянутыхъ, нервахъ.

Однажды, въ одинъ изъ лѣтнихъ праздниковъ, она, по обыкновенію, отправилась въ церковь. Настроеніе ея было не изъ веселыхъ: наканунѣ опять произошла обычная сцена съ графомъ и отголоски ея все еще дрожали въ ея душѣ. «Что дѣлать? Какъ быть?» съ тоской спрашивала она себя, перебирая въ умѣ всѣ способы разрѣшенія ихъ отношеній.

«Сударыня, не можете ли вы указать намъ, гдѣ здѣсь кузница?» раздался вдругъ неожиданно чей-то нагло насмѣшливый голосъ.

Прасковья Ивановна вздрогнула и въ испугѣ подняла глаза. Прямо передъ ней, на поворотѣ аллеи, стоялъ какой-то молодой человѣкъ, одѣтый съ претензіей на щегольство. Онъ съ дерзкой усмѣшкой смотрѣлъ ей прямо въ лицо, очевидно отлично зная, съ кѣмъ онъ говоритъ. За его спиной видѣлись, злорадно улыбающіяся лица его

спутницъ, какихъ - нибудь мелкихъ московскихъ мѣщанокъ, судя по ихъ наружности.

«А кто здѣсь кузнецъ?» продолжалъ молодой человекъ, подмигивая своимъ спутницамъ.

Прасковья Ивановна поблѣднѣла. Она поняла, что вся эта безобразная сцена подстроена нарочно къ ней - нибудь изъ ея враговъ и съ трудомъ сдерживала свое негодованіе.

«Обратитесь къ сторожу, онъ вамъ покажетъ», проговорила она и, смѣривъ нахала холоднымъ взглядомъ, повернула назадъ къ дому.

Въ догонку ей раздавался насмѣшливый хохотъ.

«А дѣти есть у кузнеца?» закричала одна изъ женщинъ. Но Прасковья Ивановна уже не слышала. Она не помнила, какъ вбѣжала въ кабинетъ графа и въ истерикѣ упала на диванъ. Графъ совершенно растерялся, при видѣ такого взрыва отчаянія. Задыхаясь отъ слезъ, Прасковья Ивановна рассказала ему о дерзкой выходкѣ незнакомцевъ, переполнившей, наконецъ, чашу ея терпѣнія.

«Что я имъ сдѣлала? Зачѣмъ они такъ оскорбляютъ меня. Я больше такъ жить не могу. Ужъ лучше умереть, чѣмъ терпѣть такую муку!» рыдала она, ломая руки.

Графъ въ волненіи вскочилъ.

«Что ты сказала? Что ты задумала?» вскричалъ онъ, бросааясь къ ней. «Клянусь, что тебѣ не придется больше переживать подобныхъ униженій. Завтра же мы уѣдемъ отсюда и начнемъ новую жизнь».

Съ этими словами онъ схватилъ колокольчикъ и громко позвонилъ.

Черезъ минуту управляющій уже былъ въ кабинетѣ.

«Я рѣшилъ переѣхать на жительство въ Останкино», обратился графъ къ пораженному управляющему, «и въ самомъ непродолжительномъ времени. Тебѣ же приказываю принять къ этому всѣ надлежащія мѣры».

Эти слова оказались не пустой угрозой, какъ сначала подумали, было, всѣ, окружавшіе графа. Онъ, дѣйствительно, рѣшилъ окончательно порвать со всѣмъ прошлымъ и покинуть Кусково, пребываніе въ которомъ было для него слишкомъ тяжело.

И вотъ, пышная подмосковная, составлявшая когда-то украшеніе столицы, опустѣла, и понемногу начала приходить въ запустѣніе. Закрылся и театръ, труппа была распущена, бібліотека и декорации вывезены въ Останкино, и только въ глубинѣ сцены, среди полумрака, царившаго на ней, смутно блестѣла изъ-подъ толстаго покрыва плѣсени и пыли, золоченая колесница, на

которой, въ былыя времена, въѣзжала на сцену Эліана Параша.

Кусково опустѣло, но зато на другомъ концѣ Москвы пышно расцвѣла новая резиденція графа Шереметьева Останкино.

Жизнь, которую онъ повелъ здѣсь, значительно отличалась отъ прежней. Графъ снова завязалъ знакомства съ своимъ кругомъ и сталъ устраивать въ своемъ роскошномъ дворцѣ блестящіе приемы, причемъ его удостоивали своимъ посѣщеніемъ даже коронованныя особы, какъ, на примѣръ, король польскій Станиславъ Понятовскій и императоръ Павелъ I. И вездѣ, рядомъ съ графомъ, появилась уже оффиціально Праксovia Ивановна, къ которой всѣ посѣтители Останкина относились съ глубокимъ уваженіемъ. Ее особенно любилъ и цѣнилъ тогдашній московскій митрополитъ и проводилъ у нея въ гостяхъ цѣлые часы, никогда не уставая бесѣдовать съ ней о самыхъ разнообразныхъ предметахъ.

На графа не могло не повліять такое отношеніе общества къ его вѣрной подругѣ. И вотъ онъ рѣшается наконецъ на послѣдній шагъ и вѣнчается съ ней. Вѣнчаніе произошло на Поварской, въ церкви Симеона Столпника, и на немъ кромѣ необходимыхъ свидѣтелей, никто изъ постороннихъ не присутствовалъ.

Но и тутъ сказалась все-таки сословная гордость графа. Онъ не могъ допустить мысли, что одинъ изъ графовъ Шереметьевыхъ женился бы на простой крестьянкѣ. Нужно было какъ-нибудь превратить Прасковью Ивановну хотя бы въ захудалую дворянку; и вотъ выдумывается цѣлая исторія, что Прасковья Ивановна, не родная дочь Ивана Кузнецова, а только пріемная, что ея настоящій отецъ мелкій шляхтичъ, живетъ гдѣ-то въ западномъ краѣ и фамилія его Ковалевскій. Былъ отысканъ и этотъ мнимый отецъ, который за извѣстное вознагражденіе согласился усыновить Прасковью Ивановну. Онъ былъ привезенъ въ Москву и фигурировалъ нѣкоторое время въ Останкинѣ въ качествѣ ближайшаго родственника молодой графини. На одномъ изъ портретовъ Прасковьи Ивановны, снятомъ вскорѣ послѣ свадьбы, на груди ея красуется въ качествѣ вещественнаго доказательства, огромный медальонъ съ изображеніемъ шляхтича Ковалевскаго.

Свадьба состоялась въ ноябрѣ 1801 г.; въ этомъ же году была дана вольная всей ея семьѣ, а затѣмъ, графъ переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, не подозревая, что ему уже недолго придется наслаждаться своимъ семейнымъ счастіемъ.

Очутившись въ придворной обстановкѣ,

графъ почувствовалъ, что, улегшіеся было на время сословныя предразсудки, вспыхнули въ немъ съ прежней силой. Ничто не могло заставить его открыто заявить о своемъ бракѣ съ Прасковьей Ивановной, хотя не оѳфициально всѣ знали объ этомъ.

Для графини опять потянулись тихіе, однообразные дни, скрашенные, впрочемъ, ожиданіемъ перваго ребенка. 3-го февраля 1803 года родился, наконецъ, этотъ, такъ давно жданный, первенецъ; но молодой матери не суждено было выростить его. Черезъ двадцать дней послѣ его рожденія она скончалась.

Смерть ея была страшнымъ ударомъ для графа. Горе его было безгранично. Съ этихъ поръ вся его жизнь была посвящена культу покойной. Онъ ставитъ на могилѣ ея въ Александро-Невской Лаврѣ пышный памятникъ, на которомъ впервые Прасковья Ивановна именуется его супругой и основываетъ затѣмъ въ память ея многочисленныя благотворительныя учрежденія.

Но народъ и такъ не забылъ эту замѣчательную женщину и до сихъ поръ вспоминаетъ о ней, распѣвая сложенную самой Парашей пѣсню, которая начинается словами: «Вечеръ поздно изъ лѣсочка, я ровъ домой гнала». Въ несложныхъ стихахъ этой пѣсни рисуется вся необычайная судьба

этой дѣвушки, которой дѣйствительно пришлось на себѣ испытать слова пѣсни: «Ты родилася крестьянкой, завтра будешь госпожа!»

VI.

Въ какой обстановкѣ приходилось въ старыя годы расти и развиваться будущимъ знаменитостямъ, ярко рисуется изъ біографіи геніальнаго Михаила Семеновича Щепкина.

Въ концѣ 18-го столѣтія, въ Курскѣ проживалъ богатый помѣщикъ графъ Волькенштейнъ. Зиму онъ проводилъ въ городѣ, а лѣто въ какомъ-нибудь изъ своихъ многочисленныхъ имѣній. Онъ былъ женатъ, но дѣтей у него не было. Графиня, выходя замужъ, принесла съ собою въ приданое, между прочимъ, свою любимую горничную, Марью Тимофеевну. У графа былъ любимый камердинеръ Семень, и вотъ молодыхъ людей повѣнчали, такъ какъ это представляло большія удобства для господъ; имъ не нужно было теперь разставаться со слугами, къ которымъ они привыкли.

Бракъ этотъ оказался очень счастливымъ; молодые люди очень любили другъ друга, и единственнымъ горемъ ихъ было, что двое первыхъ дѣтей умерли вскорѣ послѣ рожденія. Когда Марья Тимофеевна ждала

третьяго ребенка, ей кто-то посовѣтовалъ, чтобы ребенокъ жилъ, взять въ кумовья первыхъ встрѣчныхъ людей. Она послѣдовала этому совѣту и такимъ образомъ крестные отецъ и мать будущей гордости русской сцены были пьяный лакей и баба повариха.

Едва оправившись послѣ родовъ, Марья Тимофеевнѣ опять вступила въ исполненіе своихъ обязанностей при графинѣ, неотлучно державшей ее при себѣ. Только урывками бѣгала она къ своему Мишѣ, чтобы покормить или выкупать его. Разъ за этими обязанностями засталъ ее звонокъ графини. Опустивъ ребенка въ ванну, она въ попыхахъ крикнула своей золовкѣ, чтобы она кончила за нее, и со всѣхъ ногъ бросилась къ барынѣ. Только черезъ три часа улучила она минутку, чтобы посмотрѣть, все ли тамъ въ исправности. Но каковъ же былъ ея испугъ, когда она увидѣла ребенка, лежащаго въ холодной водѣ все въ томъ же положеніи, въ которомъ она оставила его. Золовка, какъ оказалось, не слышала ея просьбы и ребенокъ чуть не подвергся опасности утонуть или простудиться на смерть. Только спокойный характеръ и здоровый организмъ спасъ его отъ этого.

Когда Мишѣ минуло полгода, графиня разрѣшила матери брать его съ собой въ

комнаты, и сама скоро привязалась къ ребенку.

Вскорѣ въ жизни родителей Миши произошла важная перемена. Графъ назначилъ Семена Григорьевича управляющимъ своего огромнаго имѣнія, раскинутаго на протяженіи семидесяти верстъ и состоявшаго изъ 1200 душъ крестьянъ. Миша сталъ видѣть отца лишь урывками, такъ какъ тому приходилось быть все время въ разъѣздахъ. Наконецъ ему совсѣмъ пришлось переселиться въ другой уѣздъ на хуторъ, который находился въ центрѣ управляемаго имъ имѣнія. Послѣ долгихъ просьбъ, графу удалось уговорить жену отпустить Марью Тимофеевну къ мужу на житье.

На этомъ - то хуторѣ и протекло все дѣтство Михаила Семеновича. Онъ росъ рѣзвымъ, бойкимъ, умнымъ ребенкомъ. Пятилѣтъ его отдали учиться и къ шести онъ уже одолѣлъ всю тогдашнюю премудрость, то - есть, выучилъ азбуку, часословъ и псалтирь. Ученье, конечно, сопровождалось тѣлесными наказаніями и разными странными обычаями. Когда, на примѣръ, мальчикъ кончилъ азбуку и долженъ былъ начать часословъ, онъ, вмѣстѣ съ книгой, принесъ въ подарокъ учителю горшокъ молочной каши, обернутый въ платокъ. Послѣ повторенія задовъ, (уроковъ въ этотъ день не

было), каша эта была торжественно съедена учителемъ съ учениками, при чемъ виновникъ торжества билъ ложкой по рукамъ остальныхъ учениковъ. Затѣмъ горшокъ вынесли на дворъ и тамъ начали по очереди бросать въ него палкой, пока не разбили. Разбившій бросился бѣжать, а остальные съ хохотомъ за нимъ и отодрали за уши. И этотъ обычай повторялся каждый разъ, когда кто-нибудь начиналъ новый отдѣлъ школьной премудрости.

Результатомъ подобнаго ученія было то, что мальчикъ научился очень бойко читать, но совершенно не понимая прочитаннаго. Разъ отецъ, желая его проэкзаменовать, заставилъ читать псалтирь. «Блаженъ мужъ», бойко затараторилъ Миша, но, кромѣ этихъ двухъ словъ, больше уже ничего нельзя было разобрать, это было сплошное бормотанье, съ выкрикомъ отдѣльныхъ словъ.

Отецъ страшно разсердился на учителя, что тотъ не училъ мальчика останавливаться на точкахъ и велѣлъ обратить на это особенное вниманіе.

Учитель ревностно принялся за исправленіе ученика, и изъ класса то и дѣло доносились крики и вопли мальчика. Но ни тумачи, ни удары линейки не помогали, Миша попрежнему летѣлъ «на почтовыхъ», не признавая никакихъ знаковъ препинавія.

Вскорѣ послѣ этого случая рѣшено было отвезти Мишу въ Бѣлгородъ для дальнѣйшаго ученія. Такъ какъ дорога вела мимо села Краснаго, резиденціи графа, то Семень Григорьевичъ рѣшилъ остановиться здѣсь. Графъ встрѣтилъ его очень ласково, и, узнавъ, что онъ привезъ съ собою сына, велѣлъ привести его вечеромъ въ барскій домъ, чтобы посмотрѣть представленіе оперы. Графъ въ это время былъ уже вдовцомъ съ двумя маленькими дочерьми. Желая доставить имъ домашнее развлеченіе, онъ устроилъ у себя домашній театръ, на представленіе котораго допускались также всѣ дворовые.

Какъ разбѣжались глаза у Миши, когда вечеромъ отецъ привелъ его въ театральнй залъ. Все было для него ново: и сцена, задернутая пока занавѣсомъ, и рояль съ стоявшими на немъ тетрадками нотъ и самые разнообразные музыкальные инструменты.

Любопытство мальчика было страшно возбуждено, но спросить отца онъ не рѣшался, такъ какъ въ это время появился уже графъ съ дочерьми. Онъ ласково погладилъ Мишу по головѣ, протянулъ для поцѣлуя руку, и велѣлъ сѣсть между маленькими графинями. Бѣдный мальчикъ совсѣмъ оробѣлъ и не зналъ, куда ему дѣваться отъ смущенія. Слезы уже навертывались у него на

глазахъ, какъ вдругъ онъ почувствовалъ, что одна изъ его маленькихъ сосѣдокъ торопливо суетъ ему что-то въ руку; то былъ огромный кусокъ пряника, который весьма ободрилъ мальчика, а тутъ началось и представленіе и Миша позабылъ все окружающее.

VII.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Щепкинъ уже учился въ училищѣ въ Суджѣ. Одинъ изъ его товарищей принесъ случайно попавшую въ его руки комедію «Вздорщица» Сумарокова. «Это что у тебя за книга?» обратился къ нему одинъ изъ мальчиковъ.

«Да вотъ, и самъ не знаю», отозвался тотъ. «Написано тутъ «комедія», а что это такое?»

«А вотъ, я тебѣ сейчасъ объясню», раздался голосъ незамѣтно подошедшаго Миши. «Комедія—это такое представленіе. Вотъ нѣсколько человѣкъ выучатъ какое-нибудь лицо въ комедіи, потомъ соединятся вмѣстѣ и станутъ играть, какъ будто все это такъ и происходило на самомъ дѣлѣ».

«Ну, ужъ это ты навралъ», прервали его со смѣхомъ товарищи. «Никогда мы не слышали, чтобы такія комедіи играли».

«Ха, ха, ха», залился дружно классъ.

«Вотъ такъ удружилъ Щепкинъ! Ай да хвастунъ! Ай да врунъ!»

Бѣдный Миша сначала опѣшилъ, но потомъ съ жаромъ сталъ защищать свое первое объясненіе. Въ классѣ поднялся страшный шумъ и крикъ и больше всѣхъ волевался Миша. Въ самый разгаръ спора, дверь класса внезапно растворилась и въ нее просунулась заспанная, сердитая голова учителя. Всѣ оцѣпенѣли.

«Ну, не миновать розогъ!» промелькнуло у всѣхъ. Но Миша не потерялся и, подбѣжавъ къ учителю, быстро заговорилъ:

«Помилуйте, Иванъ Ивановичъ, рассудите насъ; на меня напалъ весь классъ и смѣется надо мной за то, что я сказалъ объ этой книгѣ, что ее можно играть такъ, какъ будто бы все это не написано, а въ самомъ дѣлѣ случилось». Съ этими словами онъ протянулъ учителю книгу. Тотъ взялъ ее и вдругъ разразился громкимъ хохотомъ. Щепкинъ, думая, что это относится къ нему, стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Онъ уже чувствовалъ на себѣ насмѣшливые взгляды товарищей.

Учитель между тѣмъ кончилъ смѣяться. «Дураки вы, дураки!» проговорилъ онъ, обращаясь къ ученикамъ. «Какъ же вы спорите о томъ, чего не знаете? Щепкинъ правъ. Это точно комедія и ее можно

играть такъ, что другіе примутъ за дѣйстви-
тельность. Воя въ Москвѣ какія оперы
да трагедіи разыгрываютъ знаменитые акте-
ры Шушеринъ, Ожогинъ и другіе».

Щепкинъ сіялъ, а товарищи его стояли
пристыженные.

Пробудило ли это маленькое происшествіе
въ душѣ учителя далекія воспоминанія, или
затронуло что-то близкое ему, но только уче-
ники просто не узнавали его на урокъ. О
чемъ бы не заговорилъ онъ, все сводилъ
на театр. Никогда еще не было такъ инте-
ресно въ классѣ и ученики, въ первый
разъ за свое пребываніе въ школѣ, съ сожа-
лѣніемъ вздохнули, когда прозвучалъ зво-
нокъ.

Но ихъ ожидала еще большая радость. По
окончаніи урока, учитель вдругъ сказалъ
имъ: «Вотъ, дураки, вмѣсто того, чтобы
бѣгать по улицамъ, да биться на кулачкахъ
или другими подобными занятіями убивать
время, не лучше ли было бы, если бы вы
разучили эту комедію, да передъ роспу-
скомъ на масляницѣ сыграли бы ее у меня.
Такъ вотъ сошлись бы, да и сладили хо-
рошенько. Только съ уговоромъ, не шу-
мѣть!»

Это предложеніе вызвало бурю восторговъ.

«Мы сейчасъ же разучимъ ее», закричали
все хоромъ, забывая, что всѣмъ все равно

играть нельзя, такъ какъ въ пьесѣ только семь дѣйствующихъ лицъ, а въ классѣ ихъ было шестьдесятъ. Въ одно мгновеніе буйные, насмѣшливые мальчики превратились въ самыхъ милыхъ, покорныхъ и добрыхъ и наперерывъ извинялись передъ Щепкинымъ за нанесенную ему обиду.

Вскорѣ весь городъ зналъ, что затѣвается въ училищѣ, такъ какъ мальчики, разойдясь по домамъ, успѣшили подѣлиться радостной вѣстью съ родителями, съ прислугой, со знакомыми.

Щепкинъ, какъ и другіе, тоже съ радостью бѣжалъ домой, чтобы сообщить поскорѣе радостную вѣсть своей сестренкѣ. Но вдругъ страшная мысль пронизала его мозгъ. «А, вѣдь пожалуй мнѣ не придется играть. Всѣмъ играть невозможно. Какъ же это будетъ? Кто укажетъ, кому именно играть?» Первый разъ мысль о его крѣпостномъ положеніи мелькнула у него въ головѣ. Придя домой, онъ, рассказавъ сестрѣ въ чемъ дѣло, сталъ горько жаловаться: «А вдругъ мнѣ не дадутъ никакой роли. Много есть дѣтей дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ, которыя всѣ выше моего званія, и эти дѣти, вѣроятно, будутъ предпочтены».

На другой день, по дорогѣ въ училище, мальчикъ натолкнулся на перекресткѣ на

ужасную потасовку двухъ своихъ товарищей, которые таскали другъ друга за волосы, приговаривая: «Врешь, ты не будешь играть, а я буду!»

«Нѣтъ, ты не будешь, а я буду; третьяго дня учитель былъ въ гостяхъ у насъ; батюшкѣ стоить только слово сказать, я и буду играть».

«А все-таки не будешь; моя матушка отнесла ему вчера гостинца, полпуда меду; она только слово пикнетъ, и я буду играть».

Въ классѣ происходили подобныя же сцены, пока рѣшеніе учителя не положило этому конца. Онъ самъ распредѣлилъ роли, и Щепкинъ даже заплакалъ отъ радости, узнавъ, что слугу Розмарина будетъ играть онъ. Небольшое затрудненіе возникло при распредѣленіи женскихъ ролей. Родители совершенно возстали противъ того, чтобы ихъ дочери стали комедіантками. Но тутъ, кста-ти, вспомнили о сестрѣ Щепкина, Сашѣ; ей можно было, не боясь унижить ее, поручить роль первой любовницы, а старуху и служанку взялись играть мальчики.

Съ жаромъ принялись юные актеры за ученіе ролей и къ первой же репетиціи знали ихъ на зубокъ. Щепкинъ читалъ свою роль съ такой необыкновенной быстротой, что всѣ изумились, а учитель улыбнулся и замѣтилъ:

«Ты, Щепкинъ, ужъ слишкомъ шибко говоришь, а впрочемъ, хорошо, хорошо!»

На первое представленіе учитель рѣшилъ пригласить всѣхъ «отцовъ города» и отправился для этой цѣли къ городничему. Тотъ сначала изумился.

«А не будетъ ли въ этомъ представленіи чего-нибудь неприличнаго?» задалъ онъ вопросъ учителю.

«Ничего такого нѣтъ», поспѣшилъ завѣрить учитель. «Развѣ только за исключеніемъ барыни, которая бьетъ свою дѣвку башмакомъ».

«Ну, въ этомъ нѣтъ еще ничего предосудительнаго», успокоительно промолвилъ городничій, и милостиво принялъ приглашеніе.

Успѣхъ комедіи превзошелъ всѣ ожиданія. Зрители, несмотря на все убожество обстановки, были въ восторгѣ, и дѣйствіе все время прерывалось аплодисментами и возгласами городничаго: «хорошо, лихо!»

Этому послѣднему представленію такъ понравилось, что онъ тутъ же пригласилъ учителя сыграть эту пьесу еще разъ черезъ нѣсколько дней въ его домѣ на праздникѣ, дававшемся по случаю свадьбы его дочери.

Тамъ юныхъ актеровъ ожидалъ уже полный тріумфъ. Смотрѣть ихъ собрался весь

городъ. Ужь съ полудня домъ городничаго осаждался цѣлой толпой народа, желавшей хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть на невиданное зрѣлище. Дѣтей осыпали поцѣвляями, изъявленіями восторга. Городничій велѣлъ имъ выдать рубль денегъ и собственноручно раздалъ дѣтямъ по огромному куску пряника, при чемъ цѣловалъ ихъ и приговаривалъ: «Хорошо, плутишка!» Щепкинъ, конечно, какъ сынъ крѣпостного, такой чести удостоенъ не былъ. Его городничій погладилъ только по головѣ, далъ ему поцѣловать руку и промолвилъ: «Ай да Щепкинъ! Молодецъ! Бойчѣе всѣхъ говорилъ, хорошо, братецъ, очень хорошо! Добрый слуга барину будешь».

Но находились, конечно, и недовольные спектаклемъ, въ особенности тѣ родители, дѣти которыхъ не играли. «Виданное ли это дѣло, чтобы дѣтей благородныхъ отцовъ такими мерзостями занимать, и какъ это отцы тѣ одурѣли, что позволили дѣтей своихъ сдѣлать скоморохами. Дѣло другое дѣти Щепкина; ну, ихъ и родъ уже такой! Изъ нихъ все, что хочешь, дѣлай!» говорили обиженные родители.

Но Миша не слышалъ этихъ рѣчей. Онъ жилъ въ какомъ-то особенномъ, прекрасномъ мірѣ, не обращая вниманія на окружающую его обстановку. Съ какою гордостью и

торжествомъ показалъ онъ отцу первыя заработанныя имъ деньги и кусокъ пряника, привезеннаго въ подарокъ матери. Та плакала отъ радости, слушая рассказы о томъ, какъ ея дѣти играли въ присутствіи господъ и удостоились ихъ одобренія.

«Ну-ка повтори, что ты тамъ игралъ», промолвилъ улыбаясь отецъ, «я посмотрю, братъ, каковъ ты молодецъ».

«Ну ужъ покажу я ему себя», пронеслось въ головѣ у Миши. «Ужъ коли городничій и прочіе дворяне довольны были, такъ челоуѣкъ его званія еще болѣе будетъ доволенъ».

Миша и не зналъ, что его отецъ, путешествуя съ бариномъ, видѣлъ самые лучшіе театры того времени и всѣхъ знаменитыхъ актеровъ.

Понятно, что онъ отъ души разсмѣялся, когда сынишка началъ съ ужасающею быстротой говорить свою роль, и, принимая хохотъ отца за одобреніе, еще болѣе ускорялъ темпъ.

«Ну, ну, довольно», закричалъ, наконецъ, отецъ, «и вы всѣ такъ играли?»

«Всѣ», отвѣчалъ сіяя Миша, «и я лучше всѣхъ».

«И васъ хвалили?»

«Хвалили».

«И учитель былъ доволенъ?»

«Очень доволенъ».

«Дураки, вы, дураки», сказалъ съ насмѣшливой улыбкой отецъ. «За такую игру и васъ всѣхъ, и учителя выдрать бы розгами».

VIII.

Въ 1820 г. Щепкина отдали въ губернское училище въ Курскѣ. Обладая отъ природы хорошими способностями, онъ учился очень хорошо и безъ всякаго труда перешелъ въ 4-й классъ. Но тутъ его постигло большое разочарованіе. Какъ разъ въ это время училище было переименовано въ гимназію и былъ введенъ классъ французскаго языка. Но Щепкину, какъ крѣпостному, не разрѣшили посѣщать его. Это его такъ оскорбило, что онъ тогда забросилъ и другіе языки: нѣмецкій и латинскій. Располагая массою свободнаго времени, мальчикъ жадно набросился на чтеніе. Случай свелъ его съ писателемъ Богдановичемъ, авторомъ знаменитой тогда поэмы «Душенька». Старикъ принялъ живое участіе въ мальчикѣ и сталъ давать ему книги для чтенія, стараясь развить его умъ.

«Учись, учись, душенька, — приговаривалъ онъ, — это и въ крѣпостномъ состояніи пригодится».

Но самое главное въ жизни Щепкина былъ

все же татаръ. У него завелись даже знакомства среди театральнаго міра. Въ Курскѣ держали тогда театръ братья Барсовы. Одинъ изъ ихъ младшихъ братьевъ учился въ одномъ училищѣ со Щепкинымъ и былъ съ нимъ очень друженъ. Щепкинъ бывалъ у Барсовыхъ, и ничего такъ страстно не желалъ, какъ быть хоть чѣмъ-нибудь полезнымъ театру. Но пока его содѣйствіе выражалось только въ томъ, что онъ помогалъ таскать въ театръ музыкальные инструменты. За это ему разрѣшали смотрѣть на представленіе изъ оркестра или, въ лучшемъ случаѣ, изъ райка.

Изъ Барсовыхъ только старшій былъ на волѣ, а всѣ остальные—крѣпостные. Но Щепкина удивляло то, что несмотря на это обстоятельство, съ ними весь городъ и даже ихъ господа обращались, какъ съ вольными.

«Это должно быть оттого, что они актеры»,—думалось мальчику. И съ тѣхъ поръ въ его представленіи слово актеръ сливается съ чѣмъ-то хорошимъ, свободнымъ, и стать такимъ вотъ актеромъ дѣлается его главной цѣлью.

Щепкинъ учился все время превосходно, и, какъ самъ говоритъ, «имѣлъ дерзость быть первымъ ученикомъ», онъ, сынъ крѣпостнаго. Весь городъ зналъ и баловалъ его, и, несмотря на это, много тяжелыхъ минутъ

приходилось переживать ему и испытать на себѣ всю горечь крѣпостного права.

Когда графъ Волькенштейнъ переѣзжалъ на зиму въ Курскъ, Щепкинъ, конечно, долженъ былъ жить въ его домѣ, и вотъ, будущему гениальному артисту не находится иной должности, какъ быть офиціантомъ при господахъ. Утро проводилъ онъ въ школѣ, а дома облачался въ ливрею и прислуживалъ за столомъ и въ гостиной. Впослѣдствіи онъ какъ-то сказалъ: «Русскую жизнь знаю я отъ дворца до лакейской». И это была правда.

Въ этой своей должности ему пришлось сталкиваться съ самыми уродливыми проявленіями крѣпостной жизни, воспоминаія о которыхъ не изгладились у него никогда. «Моя дорога жизни не была такъ выравнена обстоятельствами, да и самый родъ моего искусства заставлялъ меня поглубже вникать во всѣ слои общества, поэтому-то я и не могъ вынести изъ жизни пріятныхъ воспоминаній», — говоритъ онъ въ своихъ «Запискахъ».

IX.

Въ 1805 г. Щепкинъ кончилъ свое ученье и перешелъ въ услуженіе къ графу. По-прежнему, его завѣтной мечтой было служить театру, и Барсовъ даже обѣщалъ ему

мѣсто суфлера, но въ тотъ годъ графъ такъ поздно переѣхалъ въ городъ, что мѣсто это было передано другому. Это было большимъ ударомъ для Щепкина, который, такимъ образомъ, лишился право свободно посѣщать театръ. Но тутъ помогъ ему случай.

Однажды къ графу приѣхала актриса П. Г. Лыкова, чтобы предложить билетъ на свой бенефисъ. Графъ взялъ билетъ, заплатилъ за него большую по тогдашнимъ понятіемъ сумму, 10 р. ассигнаціями (обыкновенно цѣна кресла была полтора рубля ассигнаціями) и, обратясь къ Щепкину, сказалъ: «Миша проводи г-жу Лыкову въ чайную и скажи Парашѣ, чтобы она напоила ее кофеемъ».

Въ гостиныя въ тѣ времена актрисы не допускались. За кофеемъ Лыкова разговорилась и начала жаловаться, что бенефисъ пожалуй еще не состоится.

«Актеръ Арешевъ прислалъ записку изъ трактира, что онъ все платье проигралъ и обрѣтается въ одной рубашкѣ, чтобы ему прислали денегъ, чтобы его выкупить, а иначе онъ играть не можетъ, такъ какъ ему вытти не въ чемъ. А жалованье у него все впередъ забрано, и содержатель наотрѣзъ отказался выдать ему еще. Вотъ я и не знаю, милая, что мнѣ дѣлать?»—заклочила Лыкова, обращаясь къ экономкѣ.

Миша вспыхнулъ. «А что онъ играетъ?»—спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

«Андрея-почтаря, въ драмѣ «Зоя».

Случайно оказалось, что Щепкинъ зналъ эту пьесу.

«Позвольте я сыграю эту роль»,—предложилъ онъ, задыхаясь отъ волненія.

«Да развѣ ты когда игралъ на театрѣ?»—изумилась Лыкова.

«Помилуйте, нѣсколько разъ въ деревнѣ на домашнемъ театрѣ».

«Да какъ же, милый, вѣдь бенефисъ завтра; успѣешь ли ты выучить роль, кажется листа два?»

«Помилуйте, да это бездѣлица!»—вскричалъ, не помня себя отъ радости, Щепкинъ.

Актриса уѣхала, пообѣщавъ прислать роль, а Миша поспѣшилъ подѣлиться своею радостью со всѣми въ домѣ.

Черезъ три часа по полученіи роли Миша зналъ ее уже на зубокъ и читалъ ее каждому встрѣчному. Вечеромъ онъ отправился къ Лыковой, которая пожелала провѣрить его и дать нѣсколько необходимыхъ указаній. Она встрѣтила его очень ласково, угостила чаемъ, и затѣмъ обратилась къ нему съ словами:

«Ну, прочти, душка! я тебя прослушаю. Дай мнѣ книгу». «Я вручилъ ей книгу», говоритъ Щепкинъ въ своихъ «Запискахъ», и

какой-то огонь пробѣжалъ по всему моему тѣлу. Но это былъ не страхъ, нѣтъ! Страхъ, не такъ выражается, это былъ просто внутренній огонь, страшный огонь, отъ котораго я едва не задыхался; но со всѣмъ тѣмъ, мнѣ было такъ хорошо, и я только что не плакалъ отъ удовольствія».

Выслушивъ роль, Лыкова встала и поцѣловала юношу въ лобъ. Натянутые нервы Щепкина не выдержали и слезы брызнули у него изъ глазъ.

«Что съ тобой»? удивилась Лыкова.

«Простите, Пелагея Гавриловна, это отъ радости, отъ удовольствія; другихъ слезъ я не знаю», борматалъ юный актеръ.

«Что же, мой дружокъ, неужели ты такъ обрадовался, что тебя поцѣловала старуха? Будто тебѣ такъ дорогъ поцѣлуй старухи?» спросила его Лыкова.

«Да, дорогъ, потому что онъ первая моя награда за малый трудъ, который вы по добротѣ своей слишкомъ оцѣнили, и этого я никогда не забуду»!

«Охъ, ты ребенокъ, ребенокъ»! покачала головой Лыкова и принялась объяснять ему недостатки его игры, изъ которыхъ главный былъ слишкомъ быстрая рѣчь.

На другой день Щепкинъ отправился къ Барсову, который тоже похвалилъ его и обѣщавъ прислать за нимъ на репетицію.

Какъ медленно тянулся для юноши день. То и дѣло выбѣгалъ онъ на крыльцо посмотръть, не идутъ ли за нимъ, а тутъ, какъ на зло, товарищи подтрунивали надъ нимъ, увѣряя, что онъ играть не будетъ. Наконецъ, показался театральнѣй сторожъ. Миша опрометью бросился въ гостиную, гдѣ сидѣли господа.

«Позвольте ваше сіятельство, отлучиться мнѣ въ театръ»? обратился онъ въ волненіи къ графу.

«Зачѣмъ?» удивленно спросилъ графъ.

«На репетицію».

«На какую репетицію?»

«Драмы «Зоя», я играю въ ней Андрея почтаря».

«Браво, браво, Миша», вскричалъ съ хохотомъ графъ. «Смотри же, не осрамись! Я буду въ театрѣ, какъ хорошо сыграешь... ну, да тогда узнаешь».

«Ну, я думаю», прибавила жалобнымъ тономъ графиня, «ты какъ сыграешь, то ужъ будешь лѣниться рисовать мнѣ узоры».

«Нѣтъ, ваше сіятельство, еще лучше нарисую», поспѣшилъ ее увѣрить юноша и умчался.

Какъ прошло время между репетиціей и спектаклемъ, Щепкинъ совершенно не помнитъ; онъ находился въ какомъ-то безпамятствѣ. Когда пришло время одѣваться къ

спектаклю, онъ даже не замѣтилъ костюма, въ который его нарядили. «Какъ я игралъ, принимала ли меня публика, или нѣтъ? этого я совершенно не помню. Знаю только, что по окончаніе роли я ушелъ подъ сцену и плакалъ отъ радости какъ дитя», вспоминаетъ онъ.

Дебютъ его, оказался очень удачнымъ. Всѣ актеры похвалили его, а публика не скупилась на аплодисменты.

Дома его ожидалъ полный триумфъ; всѣ обнимали, поздравляли его. «Ступай скорѣе къ графу, онъ уже три раза тебя спрашивалъ», сообщилъ ему одинъ изъ товарищей.

Щепкинъ поспѣшилъ въ гостиную.

«Браво, Миша, браво! поди поцѣлуй меня», закричалъ графъ, когда Миша появился въ дверяхъ. «Вася, подай новый, нешитый триковый жилетъ», продолжалъ графъ, обращаясь къ лакею. И когда тотъ принесъ требуемый жилетъ, графъ положилъ его Щепкину на плечо со словами: «Вотъ тебѣ на память нынѣшняго дня»!

Таково было начало театральной карьеры Щепкина. Въ Курскѣ онъ подвизался до 1816 г. и все время пользовался большимъ успѣхомъ.

Но игра его долго еще оставалась той ложно-классической, которая царила тогда на всѣхъ сценахъ. Вся она состояла изъ

крайне изуродованной декламации; слова выкрикивались, сопровождались жестами. Особенно блестящія фразы произносились обращаясь не къ тому лицу, къ которому они относились, а къ публикѣ, которая въ этихъ случаяхъ неистово аплодировала. По окончаніи монолога, герой долженъ былъ удалиться со сцены непременно съ поднятой вверхъ правой рукой. Всего этого придерживался и Щепкинъ въ своей игрѣ, пока случай не свелъ его съ знаменитымъ меценатомъ того времени, княземъ Мещерскимъ, который самъ былъ великолѣпный актеръ, и, первый въ Россіи сталъ играть естественно, удѣляя больше вниманія мимикѣ. Для Щепкина было цѣлымъ открытіемъ видѣть такую игру, и съ тѣхъ поръ онъ старается примѣнять ее и самъ. Но долго пришлось ему поработать надъ собой, прежде чѣмъ изъ него выработался тотъ знаменитый артистъ, слава и гордость русской сцены.

Но долго еще онъ оставался крѣпостнымъ, пока при содѣйствіи князя Рѣпина, не выкупился за 10000 р. отъ крѣпостной зависимости и не перешелъ въ 1829 г. на московскую сцену, съ которой и не сходилъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1863 г.

Главная контора: Москва, Остоженка, 2-ой
Ильинский пер., д. 13. Телефонъ 2-91-65.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА:

- № 1. Смерть Павла I. С. Горскаго.
№ 2. Легенда о смерти Александра I. П. Бунинъ.
№ 3. Фавориты Екатерины II. А. Савина.
№ 4. Борьба за престолъ. Д. Соловьева.
№ 5. Казненная королева. М. Радищева.
№ 6. Княжна Тараканова. А. Платонова.
№ 7. Графиня Дю-Барри. Е. Оларть.
№ 8. Мазепа. В. Готвальдъ.
№ 9. Стрѣлецкій бунтъ. П. Семенова
№ 10. Лжедмитрій. П. Бунинъ.
№ 11. Савонарола. В. Михайлова.
№ 12. Бироновщина. А. Лебедева.
№ 13. Мальчикъ-Императоръ (Петръ II.) С. Львова
№ 14. Петръ I и женщины. Е. Оларть.
№ 15. Стенька Разинъ. В. Лебедева.
№ 16. Императоръ-Узникъ. Д. Покровскаго
№ 17. Салтычиха. (Крѣпостной бытъ.) С. Львова.
№ 18. Жены Іоанна Грознаго. С. Горскаго.
№ 19/19а. Наполеонъ и двѣ императрицы. (двой-
ной выпускъ). К. Вестужева.
№ 20. Тайны Шлиссельбургской крѣпости. Е. Оларть.
№ 21/22. Декабристы. Д. Соловьева.
№ 23. Тайны инквизиціи. А. Лебедева.
№ 24. Цезарь Борджіа. М. Салтыкова.
№ 25. Сынъ Петра Великаго. М. Коотомарова.
№ 26. Толстовцы. Е. Варанова.
№ 27. Клеопатра. С. Львова.
№ 28. Монастырскія тюрьмы. Е. Оларть

- № 29. 1855-ый годъ. К. Острогорскаго
- № 30. Хлысты и скопцы. Е. Баранова.
- № 31. Императрица Елисавета. К. Бестужева.
- № 32. Неронъ. П. Мартынова.
- № 33/34. Духоборы. С. Хомякова.
- № 35. Шамиль. (Покореніе Кавказа). Н. Ковалевскаго.
- № 36. Польское возстаніе 1863 г. М. Крашевскаго
- № 38. Мессалина. Е. Синегуба.
- № 39. Великій расколъ. П. Вунина.
- № 42. Русская женщина XVIII столѣтія. С. Горскаго
- № 43. Пугачевщина. Г. Корсакова.
- № 44. Аракчеевщина. В. Кайгородова.
- № 45. Кровавый Султанъ. В. Михайлова.
- № 46. Шипка—Плевна. Н. Вороздина.
- № 47/48. Каторга и бродяги Сибири. В. Гартель-
вельдъ
- № 49. Императоръ Павелъ I С. Давыдова.
- № 50. Слово и дѣло. Н. Михайлова.
- № 51. За старую вѣру. К. Бестужева
- № 52. Монастырскіе нравы С. Горскаго.
- № 53. Дворцовый переворотъ въ Сербіи А. Лебедева
- № 54. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ А. Ра-
менскаго.
- № 55. Исторія нравовъ. М. Будищева.
- № 56. Жены декабристовъ. К. Бестужева.
- № 57. Боярыня Морозова. П. Вунина.
- № 58. Иезуиты. П. Вунина.
- № 59. Тайная канцелярія. В. Щедрина.
- № 60. Опричники. В. Михайлова.
- № 61 62. Императоръ Николай I. С. Давыдова.
- № 63. Гарибальдѣйцы В. Богкина.
- № 64/65. Узники Петропавловской крѣпости.
А. Раменскаго.
- № 66. Крѣпостной театръ. К. Бестужева.

Выписывающіе со склада издательства на сумму
не менѣе 1 р. 50 к. за пересылку не платятъ.

Азбучка въ картин
 Азбучка-крошка.
 * Алеша Поповичъ.
 Арифметика-квашка.
 Бабушкины сказки.
 Балагуръ.
 * Бѣлка.
 Бѣлые медвѣди.
 * Всего понемногу.
 Вѣруша-милуша.
 * Вѣчная странница.
 Прохожденія капельки
 (воды.)
 Въ гостяхъ у муравья.
 Въ подводномъ цар-
 ствѣ.
 Въ циркѣ.
 * Въ часы досуга.
 Гадный утенокъ.
 Грамматика-крошка.
 Два брата. (Изъ вол-
 чьей жизни.)
 Добрыня Никитичъ.
 Дѣткамъ на потѣху.
 Дѣтки-малолѣтки.
 Дѣтскія пѣсенки.
 * Дядя-Квакъ.
 * Ежики.
 * Елка.
 * Забава—всему
 приправа.
 Зайчики.
 ри.
 иля и небо.
 а въ солдаты.

* Илья Муромецъ.
 * Какъ поплылъ первый
 пароходъ.
 * Какъ пошла первая
 машина.
 * Книжка-малютка.
 * Колосья.
 * Конекъ-Горбунокъ.
 Котикъ-буркотикъ.
 * Кошка.
 * Котъ въ сапогахъ.
 * Красный сарафанчикъ.
 * Крѣпость.
 * Лебедь-Королевичъ.
 * Лисичка-сестричка.
 * Лошадь.
 Маленькій рисовальщ.
 * Маленькій рыболовъ.
 * Матушка-Москва.
 Наши ремесленники.
 Нѣмецкая азбучка.
 * О Иванѣ Царевичѣ
 и съромъ волкѣ.
 О золотомъ пѣтушкѣ.
 * О купцѣ Остолопѣ.
 * О мертвой царевнѣ.
 * О рыбацкѣ и рыбкѣ.
 * Освобожденіе Руси.
 * О царѣ Салтанѣ.
 * О царѣ Берендеѣ.
 Паръ-богатырь.
 * Паша добр. мальчикъ.
 Первинка.
 * Петрушка. (Народный
 кукольн. театр.)

* По воздушн. океану.
 Поздравит. стихоте.
 Подъ землею.
 Приключенія Вани
 и Маши.
 Приключенія любоп.
 Коля.
 * Проказы Мишки
 Топтыгина.
 * Проказы обезьянъ.
 * Птицы.
 * Русскія басни.
 * Ручныя тѣни и ксм-
 натныя игры.
 Среди рыбъ.
 * Садко и Васька
 Буслаевъ
 * Слоны-забавники.
 * Собака.
 * Спящая царевна.
 * Старикъ-годовикъ.
 Степка-растрепка.
 Три царства
 природы.
 * Удивит. червячокъ.
 * Улетѣла.
 Французск. азбучка.
 Цари звѣрей въ не-
 волѣ у челоуѣка.
 * Царь-богатырь.
 * Чародѣй.
 * Чудесныя животныя.
 * Чудеса въ природѣ.
 * Чудесный песочекъ.
 * Чудо-юдо рыба кить.

Блудныи сынъ. Съ рис.
 * Неизб. путь жизни христіанина.
 * Въ Полизеѣ. Съ рис.
 Горе и радость. Съ рис.
 * Бр. Косаревы. Съ рис.

— По 20 коп. —

* Сироты. Съ рис.
 * Крестьянскій семейный раздѣлъ.
 Съ рис.

3-80
 25 410/1286
 5

